

LANPIROT

КРЕМНЕВСКИИ
КУДЕСНИК

Lanpirot

Кремлёвский кудесник#2

«Автор»

2026

Lanpirot

Кремлёвский кудесник#2 / Lanpirot — «Автор», 2026

Я снова молод и здоров, а не прикован к больничной койке. Казалось бы – чудо. Вот только тело не моё, и очнулся я не в больнице, а в подвале секретного НИИ КГБ СССР. И всё бы ничего, но из моей башки торчат провода, подключённые к мозгу мертвого американского шпиона...

© Lanpirot, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Lanpirot

Кремлёвский кудесник#2

Глава 1

Боль пришла не сразу. Сначала было ощущение невесомости, то самое, знакомое до тошноты чувство полета в пустоте, которое я уже испытывал однажды – там, в чугунной ванне сенсорной депривации. Но тогда это было контролируемое падение, научный эксперимент, подготовленный Русланом. Сейчас же было ощущение, будто меня выбросило из движущегося на полной скорости поезда прямо на обочину, отсыпанную крупным щебнем.

Я попытался вдохнуть, но легкие встретили сопротивление, словно грудную клетку сдавило бетонной плитой. Воздух вошел рывком, сухой и пахнувший хлоркой, карболкой и, как ни странно, запахом еды. Эти специфические ароматы больничных учреждений СССР ни за что не спутать со стерильным воздухом современных центров реабилитации с их фильтрами и ароматизаторами.

Эти запахи я помнил еще по своей первой жизни, по тем редким визитам к коллегам в обычные поликлиники, где вентиляция работала через раз, а полы мыли раствором, способным снять кожу вместе с грязью до самых костей.

Я открыл глаза. Вернее, попытался открыть. Веки были тяжелыми, словно налитыми свинцом, а ресницы слиплись от какого-то вязкого секрета. Мир вокруг проявлялся постепенно, как фотография в проявителе. Сначала пятна света и тени, потом контуры, и лишь затем – детали.

Потолок. Высокий, покрытый побелкой, которая местами вздулась пузырями, треснула и готова была вот-вот обрушиться вниз. Трещина, идущая от угла к люстре, напоминала карту реки с множеством притоков. Сама люстра – простая, стеклянная, с тремя рожками, один из которых был пуст – лампочка отсутствовала.

Это точно не был потолок моей палаты в центре реабилитации будущего. Там были натяжные потолки со встроенными светильниками. Но это был и не подвал НИИ, где я проводил последние дни в теле Гордеева. Там были бетонные плиты и трубы вентиляции.

Так где же я? И что со мною приключилось на этот раз?

Последнее, что я помнил... Нет, не так. У меня в голове было два последних воспоминания, и они конфликтовали друг с другом, как две несовместимые программы, запущенные на одном процессоре.

Первое воспоминание: я стою у могилы Родиона Гордеева. Кладбище, осенний ветер, опавшие листья. Рядом стоит Руслан, уже взрослый, состоявшийся ученый. Я только что проснулся в будущем, в мире, где СССР не распался. Где на аппаратах вместо «Siemens» написано «Электросила». Где я здоров, где мои ноги слушаются меня.

Второе воспоминание: я в лаборатории 1979 года. Мы только что спасли детей, допросив голову мертвого маньяка. Я записал знания будущего на магнитную ленту и хотел спрятать ее в камере хранения на вокзале. Я шел по улице, уставший, но довольный. Меня окликнула женщина – бывшая жена Родиона Гордеева. Я споткнулся и упал на дорогу прямо под колёса мчащегося грузовика. Удара я даже и не почувствовал.

А почему эти воспоминания конфликтовали? А потому что дата на могильном памятнике Родиона Гордеева не желала «фиксироваться». Я отлично помнил её, когда мы с Русланом были на кладбище – 09.09.1979 года. Теперь же я не мог её «мысленно рассмотреть», потому что она «дрожала» - цифры меняясь с умопомрачительной скоростью, как на взбесившемся циферблате.

Я попытался пошевелить рукой. Правая рука была забинтована, но шевелилась, и к ней тянулась тонкая и прозрачная пластиковая трубка, идущая от стеклянной бутылки с жидкостью, подвешенной на металлическом штативе. Понятно, капельница.

Жидкость медленно, капля за каплей, уходила в мою вену. Левая рука была загипсованной и слушалась хуже, но я, все-таки смог пошевелить пальцами. Боль тут же прострелила предплечье, тупая и ноющая. Но всё было не так уж плохо – я и похуже видал!

Я попробовал пошевелить ногами и с несказанной радостью понял, что они меня слушаются! Хотя какие-то неприятные и болевые ощущения присутствовали. Такое ощущение, что по мне асфальтовый каток проехался... Хотя, если вспомнить какого размера был грузовик, под колёса которого я свалился, то разница будет и не особо существенной.

Я с трудом оторвал голову от подушки и осмотрелся. В углу палаты, на жестком деревянном стуле, дремал человек. Услышав шевеление с моей стороны, он вздрогнул, чуть не свалившись со стула, и резко поднял голову. Это был Лёва Дынников. Мой младший научный сотрудник.

Вернее, сотрудник Гордеева. Теперь, видимо, снова мой. Он выглядел ужасно: рубашка была мятой, под глазами залегли глубокие тени, щетина покрывала подбородок неравномерными островками. Похоже, и теперь у меня уже не оставалось ни капли сомнений, я действительно опять оказался в 1979 году.

– Лева... – прохрипел я. Голос был чужим, сиплым, будто в горло напихали толчёного стекла. – Что со мной?

– Родион Константинович! – Дынников вскочил, чуть не опрокинув стул, и бросился к моей кровати. Его руки дрожали, когда он наклонился надо мной. – Вы... вы в сознании? Господи, я уже думал... Врача! Нужно врача!

– Тихо, Лёва... – Я закрыл глаза, пытаюсь унять головокружение. – Не кричи. Голова раскалывается.

– Извините, – он тут же сбавил тон до шепота, но его глаза лихорадочно блеснули. – Вы в коме были трое суток, Родион Константинович. Авария... Грузовик... Удар был страшный. Мы думали, вы не вытянете. Черепно-мозговая, переломы ребер, внутреннее кровотечение... Хирурги говорили, что чудо, что вы вообще дышите.

Трое суток в коме? Значит, это не галлюцинация. А как же быть с тем альтернативным миром, который я невольно изменил, оказавшись здесь? Тот, где СССР устоял? Он был реальным? Или как?

«Лана, – мысленно позвал я. – Ты здесь?»

Тишина. В голове не было уже ставшего привычным интерфейса. Только болезненная пульсация в голове, «мошки» перед глазами и гул крови в ушах.

«Лана! Ответь, черт возьми!»

Паника начала подступать к горлу холодным комом. Если нейросеть погибла при аварии, если я потерял связь с интерфейсом... Тогда я просто Родион Гордеев, молодой советский ученый с поврежденным мозгом и амнезией на гордеевскую «половину жизни».

«Владимир, – голос возник внезапно. Не в ушах, а прямо в центре сознания. Он звучал иначе, чем раньше. Металлические нотки почти исчезли, осталась лишь легкая вибрация, напоминающая звук настроенной струны. – Канал связи восстановлен. Произошел критический сбой при реинтеграции сознаний. Я была вынуждена перейти в энергосберегающий режим».

«Лана! – я едва не выкрикнул это вслух, но сдержался, посмотрев на Лёву. – Что происходит? Почему меня опять откинуло в прошлое? Что с будущим, в котором мы были?»

«Вы находитесь в точке бифуркации, – ответила нейросеть. Ее голос был спокойным, успокаивающим, несмотря на весь ужас прозвучавших слов. – Оказалось, что временная линия нестабильна. Версия реальности, которую вы наблюдали в момент предыдущего пробуж-

дения... условно назовем ее «Ветвь Бета», оказалась неустойчивой. Вероятность коллапса составляла девяносто четыре процента».

«Что значит нестабильной?— Я мысленно напрягся. — Я же видел всё! Я видел Москву будущего, я видел, что СССР не распался, а вполне себе реально существовал! И я был здоров!»

«Вы видели слепок вероятностного будущего, — пояснила Лана. — Ваше сознание, усиленное моим интерфейсом, совершило квантовый скачок в наиболее вероятную ветку реальности, созданную вашими действиями в 1979 году. Однако для закрепления этой ветки требовался якорь. Вы. Ваше физическое тело в 1979 году было повреждено в результате аварии. Сознание не могло полноценно интегрироваться в будущую линию времени, пока носитель в прошлом находился на грани смерти. Произошел эффект «оттягивания». Чтобы будущее стало единственным возможным, а не просто вероятным, вы должны были вернуться в «точку принятия решений».

«То есть меня просто выдернуло обратно в прошлое?— Я неожиданно почувствовал, как начинаю злиться. Ведь за тот срок, который я пробыл там, я успел оценить всю прелесть обновлённого СССР.

«Именно ваше присутствие в этом времени должно гарантировать, что это «лучшее будущее» вообще наступит! — жестко отрезала Лана. Её тон сменился на жесткий, командный. — В «Ветви Бета» изменения были хрупкими и нестабильными. Они держались на том факте, что магнитная лента с данными была найдена и использована правильно. Но если вы исчезнете сейчас, эта линия прервется, а реальность откатится к исходной «Ветви Альфа». Распад Союза, войны, ваша парализованная койка в будущем. Вы не «турист», Владимир. Вы — «архитектор будущей реальности». И эта «стройка» еще не закончена».

Я молчал, переваривая информацию, выданную Ланой, которая стремительно пронеслась у меня в голове. За это время Лёва даже не успел заполнить водой граненый стакан из графина, стоявшего на тумбочке. И звук льющейся жидкости казался оглушительным в тишине больничной палаты.

«И что мне прикажешь делать со всем этим?— спросил я наконец нейросеть. — Как стабилизировать эту... ветку?»

«Вы должны действовать согласно плану, который уже был реализован в «Ветви Бета», но с учетом текущих рисков. Магнитная лента с данными должна быть сохранена и передана адресату в нужное время. Вы должны обеспечить продвижение Яковлева до поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы должны помочь сохранить здоровье нынешнему Генсеку - товарищу Брежневу, и не дать ему умереть в восемьдесят втором году. Вы должны гарантированно предотвратить ключевые катастрофы...»

«Всего-то?— усмехнулся я.

«И самое главное - вы должны дожить до того момента, когда изменения очередной ветки реальностей станут стабильными и не будут подвержены «откату».

«Дожить, значит... Это можно. А что со мной вообще?»

«Диагностика показывает множественные повреждения тканей носителя. Вам требуется время на регенерацию. Я постараюсь её ускорить всеми возможными способами».

«Сколько нужно времени?»

«Минимум две недели для базового восстановления».

«А что с твоими функциями? Насколько ты повреждена?»

«Полная интеграция моих функций займет больше времени. Часть моих модулей была повреждена при серьёзной травме вашего мозга. Я восстанавливаю их постепенно, но это весьма длительный процесс».

Лёва протянул мне стакан. Я попытался взять его рукой, но пальцы не слушались и стакан опасно накренился. Лёва тут же подхватил его, помог мне приподнять голову и поднёс ко рту.

– Пейте, Родион Константинович. Вам нужно пить. Врачи сказали, что обезвоживание сильное.

Я сделал несколько глотков. Вода была теплой, с привкусом металла и хлорки, но она освежила пересохшее горло.

– Как авария произошла? – спросил я, глядя ему в глаза. – Помнишь детали?

Лёва замаялся. Он отвел взгляд, начал поправлять одеяло на моей кровати, хотя оно и так лежало ровно.

– Ну... как обычно аварии происходят... Водитель грузовика утверждает, что вы выскочили неожиданно и прямо ему под колёса. Он не успел среагировать – даже тормозного следа не было вовсе. Но отрабатывали все возможные версии, – поделился он со мной, – даже диверсию иностранных спецслужб.

– Диверсию? – Я весьма удивился. – Откуда вы это взяли?

– Ну, да... После всего, что мы сделали буквально за несколько дней – обнаружили контейнер, оживили отрубленную голову, спасли детей... А нашей работой заинтересовался сам Брежнев... Могло случиться что угодно!

– Кто бы мог подумать? – Я покачал головой, а затем поморщился от прострелившей затылок острой боли.

– Мы не знаем, случайно это произошло или нет, – Лёва пожал плечами. – Яковлев взял твоё дело под личный контроль. Но вы же знаете Эдуарда Николаевича...

Эдуард Николаевич – это Яковлев. Генерал-майор КГБ, начальник нашего института. В «Ветви Бета» он стал Генеральным секретарем после Брежнева. Человеком, который круто изменил историю в параллельной реальности. Сейчас он просто мой начальник, который еще ничего не знает о своем возможном будущем.

– Ох! – схватился за голову Лёва. – Я же за врачом должен бежать! Сообщить, что ты из комы вышел...

– Слушай, а ты как вообще здесь очутился?

– Давай потом – я тебе всё расскажу! – И он умчался куда-то из палаты.

Одиночество длилось недолго. Минут через пять в коридоре послышались торопливые шаги и приглушенные голоса. Дверь распахнулась, и в палату вошел мужчина в белом халате. На вид ему было лет пятьдесят, взгляд цепкий и профессиональный. Сдаётся мне, что это врач наш, конторский. И больничка, скорее всего, ведомственная. Следом за врачом засеменила медсестра с медицинской тележкой.

– Как давно очнулись, Родион Константинович? – участливо спросил меня врач, присаживаясь рядом на стул.

– Только что, Иван Петрович, – встрепнулся вернувшийся следом за ними Лёва. – Только что! Жаловался на головную боль...

Взгляд врача скользнул по моим забинтованным рукам, задержался на лице, оценивая цвет кожи и реакцию зрачков на свет. А затем Иван Петрович взял в руки мою медицинскую карту.

– Здравия желаю, товарищ майор! – произнес он сухо, без особой приветливости. – Я дежурный врач. Фамилия моя – Сорокин. Зовут – Иван Петрович. Будем знакомы. Как себя чувствуем?

– Как после грузовика, – попытался пошутить я, но голос снова предательски дрогнул. – Голова гудит.

– Это нормально, – Сорокин кивнул, доставая из кармана халата небольшой фонарик. – Черепно-мозговая травма у вас. Сотрясение, ушиб мягких тканей. Вам повезло, что кости черепа целы. Сейчас проверим рефлексы...

Он подошел вплотную. От него пахло дешевым табаком и спиртом. Фонарик больно ударил в глаза, заставив меня зажмуриться.

– Свет не раздражает? – спросил врач, посветив сначала в правый глаз, потом в левый.

– Терпимо.

– Хорошо. – Он убрал фонарик и приступил к дальнейшему осмотру.

В палате повисла тишина, нарушаемая лишь моим дыханием и скрипом пружин кровати, когда врач наклонялся. Лёва стоял у стены, вцепившись руками в спинку стула, и смотрел на меня с таким напряжением, будто от вердикта врача зависела его собственная жизнь.

Ну, нельзя же быть таким впечатлительным, особенно при специфике нашей работы, да еще в такой структуре, как КГБ. Если я еще задержусь в этом времени, над Лёвой нужно будет основательно поработать. Врач крутил меня и так, и этак минут, наверное, тридцать, мерил давление, проверял реакции организма, в общем, проводил стандартный осмотр пациента, то есть меня, при выходе из комы.

Прибежавшая медсестра срочно взяла у меня анализы крови.

– Хорошо. – Врач наконец меня оставил, подошел к столу, взял мою карту и что-то быстро в ней начеркал. – Как память, товарищ майор? Помните, как вас зовут? Сознание у вас, вроде, не спутанное...

Я сделал паузу, взвешивая риски. Полная амнезия вызовет подозрения, слишком хорошая память после такой травмы – тоже.

– Гордеев Родион Константинович, – ответил я ровно. – Майор госбезопасности.

– Год рождения? Место службы?

– Тысяча девятьсот сорок восьмой. НИИ комплексных проблем.

Сорокин поднял на меня взгляд, чуть прищурившись.

– А что делали перед тем, как попасть под машину? Помните?

– Выходил из института, – ответил я, стараясь не вдаваться в детали. – Дальше... смутно... Машина. Удар. Потом темнота. И это, доктор... – Я сделал вид, что не решаюсь сказать что-то доктору.

Я, всё-таки, решил воспользоваться подходящим случаем, и залегендировать своё неведение насчёт неизвестных мне моментов жизни Родиона Гордеева.

Врач что-то хмыкнул, записывая в карту.

– Не стесняйтесь, Родион Константинович, – произнёс доктор. – Вас что-то беспокоит?

– Я какие-то моменты своей жизни... вспомнить совсем не могу... – Типа, решившись, выдохнул я. – Какие-то смутные воспоминания... Обрывки... Я вот даже лица сына не помню...

Я взглянул на Лёву, наблюдая, правильно ли он меня понял. Ведь я поделился с ним и с Мишей частью моей тайны – что я ничего не помню. Рано или поздно, этот факт всё равно бы всплыл на поверхность. А теперь у меня есть официальная отмазка. Вот только не знаю, оставят ли меня после этого руководителем проекта?

Но за своё место я еще сумею побороться. А там, глядишь, и Лана распакует полностью память Родиона. В общем, лучше я подстрахуюсь на всякий случай.

– Ретроградная амнезия из-за травмы. Это типично. – Врач хлопнул папку и повернулся ко мне. – Слушайте меня внимательно, товарищ майор. Вам нужен покой. Никакой работы, никаких нервных нагрузок. Минимум неделя постельного режима, потом посмотрим. Память должна восстановиться со временем. Если начнете чувствовать тошноту, головокружение или перед глазами поплывут круги – сразу сообщайте медсестре. Понятно?

– Понятно, – кивнул я.

– А теперь – отдых! – Тоном, не терпящим возражений, произнёс Сорокин.

– Так точно, товарищ доктор! – ответил я, шуточно накрыв одной рукой макушку и поднеся к виску загипсованную ладонь. – Постараюсь хорошенько отдохнуть.

– Ну и славно. – Сорокин выпрямился. – Сейчас Марина – наша медсестра и сделает вам укол. Успокаивающее и витамины. Будете спать до самого утра.

– Есть, спать до самого утра!

– А вы, молодой человек, не задерживайтесь! Дайте вашему начальнику прийти в себя.
- Врач кивнул Лёве и вышел из палаты.

Медсестра тут же засуетилась, протирая мне руку спиртом. Укол был болезненным, но я даже не поморщился. Слишком много всего случилось за эти часы, чтобы обращать внимание на какую-то незначительную боль. Иглы от «штепселя» были куда больнее.

Когда дверь за медсестрой закрылась, я снова остался наедине с Лёвой. Он выдохнул, словно до этого забыл дышать, и подошел к кровати.

– Ну что? – спросил я тихо. – Как вообще дела?

– Всё хорошо, Родь, – улыбнулся он, и эта улыбка была искренней. – И на службе и вообще... Мы за тебя так все переживали... И Яковлев тоже...

– Ты это... Лёв... – сказал я, чувствуя, как лекарство начинает размывать сознание. – Меня сейчас сморит... Ты иди уже – позже поговорим...

- Конечно-конечно, - засуетился Дынников.

Я закрыл глаза. Тяжелая волна сна накатывала откуда-то снизу, поднимаясь к голове. Границы палаты начали расплываться. Я даже не заметил, как Лёва ушёл.

«Владимир, – голос Ланы прозвучал тихо, словно издалека. – Я провела полное сканирование вашего мозга и нейронных связей. Угрозы не выявлено. Со всеми повреждениями я в состоянии справиться».

«Хорошо, Лана, – мысленно ответил я, уже проваливаясь в темноту. – Отдыхаем...»

«Принято. Перехожу в режим энергосбережения».

Сознание отключилось. На этот раз без сновидений, без боли, я просто ухнул в глубокую, спасительную черноту.

Глава 2

Утро наступило незаметно. Сон не принес существенного облегчения, которого я так ждал. Вместо черной, спасительной пустоты, в которую я «ухнул» накануне, сознание всплыло из неведомых глубин медленно и вязко, будто через толщу густого меда.

Сначала вернулись звуки. Тихое, ритмичное гудение где-то за стеной. Потом запахи – тот самый неповторимый коктейль из хлорки, старой штукатурки и чего-то кислого, больничного, который уже успел стать для меня символом этого времени. И только потом пришла боль.

Она не навалилась сразу всей тяжестью, а проступала постепенно, неравномерно проявляясь в разных частях тела, как проступает изображение на фотобумаге при её проявке. Затылок пульсировал тупым, ноющим ритмом. Ребра ныли при каждом вдохе, напоминая о трещинах. Левая рука, закованная в гипс, казалась чужой и тяжелой, словно сделанной из свинца.

Я попытался пошевелиться, но тело ответило предательской слабостью. Веки слиплись. Пришлось сделать усилие, чтобы разодрать их. Свет в палате был тусклым и серым. Похоже, рассвет. Сквозь высокое, в разводах уличной грязи, окно пробивались первые лучи, выхватывая из полумрака знакомые очертания: облупленный потолок с трещиной-рекой, пустой рожок люстры, металлический штатив с капельницей, которая теперь была пуста.

«Доброе утро, Владимир, – голос Ланы прозвучал в голове четко, без вчерашних помех, но с той самой чарующей бархатной хрипотцой, которую мы вместе подбирали. – Фаза глубокого сна завершена. Показатели стабильны».

«Как долго я спал?» – мысленно спросил я, стараясь не шевелить губами.

«Около десяти часов. Сейчас 07:15 утра, 13 сентября 1979 года».

Значит, ночь прошла. И мир не рухнул. Ветвь реальности, которую мы пытались стабилизировать, держалась. По крайней мере, пока я спал, никакого «отката» не произошло.

«Можешь восстановить таймер на интерфейсе? Я уже как-то к нему привык».

«Могу», – ответила Лана, и внизу справа в самом уголке на периферии моего зрения появились светящиеся цифры: «07:15. 13.09.1979».

«Спасибо, Лана!» – Сеть, конечно, глупо благодарить, она ведь не человек, а искусственный интеллект, пусть и новой модификации. Но я к ней настолько привык, что считал её вполне разумным существом, не имеющим тела и живущим в моей голове. Ну, по крайней мере, мне так было удобно.

Я снова закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Вчерашняя паника, страх перед нестабильностью времени, давление разговора с врачом – все это отошло на второй план, притупленное сном и действием седативного укола. Осталась лишь трезвая, холодная необходимость действовать.

Ладно, начнём с «техосмотра» самого себя и моей прекрасной собеседницы. Почему прекрасной? Ведь я её никогда не видел. А разве может быть девушка с таким чарующим голосом некрасивой? Конечно же нет! И точка!

«Лана, статус системы? Чего там у нас с памятью творится?»

«Восстановление ядра: 35%. Доступ к локальной памяти пользователя: 82%. Память реципиента (Гордеев): 14%. Функционал внешних интерфейсов: ограничен».

Прогресс есть, хоть и не великий. Четырнадцать процентов памяти Гордеева – это лучше, чем ничего. Возможно, сегодня удастся вытянуть еще немного информации о его прошлом. Мне ведь еще с его бывшей женой и сыном общаться придётся.

Дверь в палату бесшумно приоткрылась. Я подсознательно напрягся, но это был не врач, и не медсестра – в щель просунулась взъерошенная голова Лёвы. Он выглядел еще хуже, чем

вчера: глаза красные, рубашка помята еще сильнее, если такое вообще возможно. Увидев, что я не сплю, он осторожно вошел, закрыв за собой дверь.

- Родь? – шепотом позвал он, словно боясь спугнуть тягучую тишину в палате. - Ты как? Живой?

- Живой, Лёв, – ответил я тихо. Голос звучал чуть увереннее, чем вчера. – Мне уже лучше, хоть и не фонтан.

Лёва выдохнул с таким облегчением, будто с его плеч сняли бетонную плиту. Он подошел к кровати и присел на стул, стоявший рядом.

- Слава Богу, Родь! Я всю ночь места себе не находил – вдруг опять в кому впадешь...

- Лёва, не переживай – Лана сооб... - Я прикусил язык, проговорившись о нейросети. Надо привыкать следить за языком и не расслабляться – В общем, терпимо! – заверил я Дынникова. – Немного отлежусь – и буду как огурчик!

- Ага, маринованный! – не слишком креативно пошутил Лёва, хотя в его глазах мелькнуло легкое недоумение от моей странной оговорки, но он предпочел не акцентировать на этом внимание.

- Яковлев звонил минут десять назад, – сообщил он. – Сказал, что выехал...

- Сюда? И когда он придет? – спросил я.

- Да должен был уже... – Лёва посмотрел на старые наручные часы с кожаным ремешком.

- Вы-то сами как? Не зашились там без меня?

- Не то слово, Родион Константинович! – закивал Лёва, вновь переходя на официальное «вы» - так-то я его непосредственный начальник. – Главное, что вы живы! Мишка тоже места себе не находил. Как и Эраст Ипполитович... Старик вообще боялся, что его без вас обратно в психушку отправят.

Разуваев. Старый профессор, которого я вытащил из Кашенко. В «Ветви Бета», насколько мне удалось узнать, он полностью реабилитирован, стал заслуженным академиком с кучей наград и премий. Его именем не брезгают называть институты. А здесь он все еще человек с клеймом «шизофреника», не имеющий даже дома, семьи и живущий словно на пороховой бочке.

- Не отправят, – уверенно сказал я. – Скажи ему, чтобы готовил отчет по проекту «Лазарь». Полную версию. Без купюр.

- Полную? – Лёва испуганно расширил глаза. – Но там же... опыты на людях... Оживление...

- Скажи ему, что я так сказал. И что Яковлев в курсе. Проектом заинтересовались на самом верху, - И я демонстративно «закатил» глаза под потолок. – Сам.

Лёва ахнул, но тут понятиво переключился на другую тему, когда я приложил указательный палец к губам:

- Родь, а Яковлев... Он по всем инстанциям пробежал, какие-то заграничные лекарства для вас выбил, которые у нас и днём с огнём не найти. И он тебе эту палату выбил – прямо царские хоромы!

Насчет «царских» я бы поспорил, но для этого времени палата на одного действительно роскошь.

- Спасибо ему... большое... – Я откинулся на подушку.

Силы быстро иссякали. Разговор с Ланой и Лёвой вымотал меня. А я еще оказывается никакой. Надо побыстрее восстанавливаться. Но одна вещь меня интересовала сейчас очень сильно, и я решил спросить об этом Дынникова.

- Лёв, а когда меня сбили... У меня в руках была магнитная лента... Еще нашли?

Лицо Лёвы стало непроницаемым. Он оглянулся на дверь, хотя она была закрыта, и наклонился ко мне.

– Я не знаю, Родь, – пожал плечами Лёва. – Там наши оперативники работали. Ими сам Яковлев лично руководил. А что там? Что-то серьёзное?

– Да так, ерунда... Ладно, я у него тогда сам спрошу, раз ты не в курсе.

Лёва кивнул и тут в дверь моей палаты постучали. Не громко, но уверенно. Три коротких удара, а затем дверь отворилась, и в палату вошел Эдуард Николаевич Яковлев. Мой непосредственный начальник в этом времени. Он выглядел уставшим, но глаза горели тем самым огнем, который я видел в будущем, когда он принимал решения, меняющие ход истории.

– Жив, курилка! – сказал он, не здороваясь. Генерал подошел к кровати, внимательно осмотрел меня, словно «на глазок» оценивая ущерб. – Врачи сказали, что ты на грани был. Чудо, что не в морге после всего этого оказался.

– Жив-здоров, лежу в больнице, – попытался я пошутить, но вышло слабо. – Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

– Вижу, что лежишь. – Яковлев пододвинул стул к кровати и уселся рядом. – А мог бы с таким же успехом и в гробу лежать!

Не сказать, чтобы уж очень не угадал мой начальник. Я ведь в изменённом будущем и могилку мою... А точнее, Родиона Гордеева, уже видел.

– Родион, ты что, первый год замужем?

– В смысле, Эдуард Николаевич? – Я пока не понял, куда клонит генерал-майор.

– Есть подозрение, что всё произошедшее – не банальная случайность.

– Хотите сказать, кто-то не хочет, чтобы я жил? – Наконец-то начало доходить до меня. – Меня хотели убить?

– Кто-то не хочет, чтобы «жил» твой проект, – поправил меня Яковлев. – После доклада наверх... Самому Леониду Ильичу... У нас появились завистники, Родь. И, заметь, не только на научном поприще. Товарищ Андропов отчего-то лично интересовался твоим состоянием. Звонил мне вчера вечером. Спрашивал, что да как?

– Андропов?

– Да, он самый. – Яковлев кивнул. – Его весьма заинтересовало твое предложение насчет... профилактики здоровья руководства. Ты там что-то про регенерацию тканей говорил при Брежневе?

– Говорил, – подтвердил я. – Но это пока только теория.

– Теория? – Яковлев наклонился вперед. – В общем так, товарищ майор, слушай меня внимательно. Враги не дремлют. Авария не удалась – в следующий раз тебе могут добавить яд в пищу.

– По-моему вы перегибаете, Эдуард Николаевич...

– Это ты не понимаешь, во что влез. Там, – он ткнул пальцем в потолок, – всё очень серьёзно! Так что будь осторожнее, Родион!

– Эдуард Николаевич, неужели Леонид Ильич всерьёз заинтересовался проектом?

После моего вопроса Яковлев поморщился, словно от зубной боли.

– Не здесь! – Мотнул он головой. – Здесь и стены имеют уши. Поговорим об этом позже, как выйдешь отсюда. Ты пока подумай вот о чём: если мы пообещаем слишком много и не сможем выполнить... – Он не договорил, но жестом провел рукой по горлу.

– Мы сможем, Эдуард Николаевич! – уверенно сказал я.

– Это хорошо, что ты так уверен. – Яковлев встал. – Выздоровливай побыстрее!

– Эдуард Николаевич, когда меня сбили, у меня в руках была катушка с магнитной лентой. Её обнаружили?

– Магнитная лента? – задумался Яковлев. – Не припомню... Там что-то важное?

– Не особо, – уклончиво ответил я. – Но не хотелось бы, чтобы она попала в чужие руки.

– Поговори с оперативниками, кто ведёт твоё дело, – посоветовал генерал. – Может, что и находили. Всё, мне пора! – Он взглянул на часы, протягивая руку.

Я пожал её. Рукопожатие Яковлева было крепким. Генерал вышел, кивнув Лёве на прощание. Дверь за ним закрылась. В палате снова повисла тишина.

«Он точно знает про ленту, - подумал я. Моё послезнание тому прекрасное доказательство. - Но мне не сказал... Почему?»

«Возможно, он хочет проверить вашу реакцию на эту потерю, - неожиданно ожила Лана. - Судя по анализу событий, произошедших в «Ветви Бета», он получил доступ к данным с магнитной ленты несколько позже. Насколько - судить сложно, но планируемый разброс от года до трёх лет. Возможно, он просто не догадывается, что попало к нему в руки».

«Или лента всё-таки не у него. Нужно срочно её отыскать. Информация о будущем - это оружие. Тот, кто владеет им, владеет миром... Ну, Союзом уж точно!»

- Слушай, старичок, - спросил я своего лаборанта, - а ты не в курсе, когда меня выпишут? Я себя, вроде бы, отлично чувствую.

- Я слышал краем уха, - сообщил мне Дынников, - не раньше, чем через неделю, если динамика будет положительной. Но можно и раньше, дня через три, если Яковлев даст добро, - поделился секретом Лёва. - Больница ведомственная - лишнего никто держать не будет.

- Дружище, - проникновенно попросил я Дынникова, - потряси Яковлева. Добейся выписки через три дня. Скажи, работы валом, а без меня никак.

- Оно так и есть - без тебя никак! Но три дня? - Лёва явно сомневался. - Ты же только-только в себя пришёл.

- Лёв, я тебя как друга прошу!

- Хорошо, - Лёва тяжело вздохнул. - Я поговорю и с Яковлевым, да и с главврачом заодно. Он, кстати, нам обязан... А... Ты и этого не помнишь... Родь, можешь полежишь, полечишься, как следует?

- Лева, да я тут с ума сойду! В общем, ты меня вытаскивай, а я немного посплю - приотомился что-то. Скажи врачу, пусть обход немного попозже сделает... - И я широко и демонстративно зевнул.

- Конечно-конечно! - Лёва кивнул, поправил одеяло и вышел. Я остался один. За окном только-только разгорался новый день и шумел просыпающийся город Москва образца 1979 года. Город, который еще не знал, что стоит на пороге больших перемен. Город, который мог пойти двумя путями: к распаду и хаосу или к новому расцвету.

«Лана, - мысленно обратился я к нейросети. - Покажи мне текущий статус восстановления системы».

В углу зрения, прямо на сетчатке, возник полупрозрачный интерфейс. Зеленые цифры и графики. Они слабо мерцали, словно им не хватало энергии.

«Восстановление ядра: 43%.

Доступ к архивам памяти пользователя: 80%.

Доступ к памяти реципиента (Гордеев): 12%.

Функционал управления внешними устройствами: ограничен».

«Почему так мало памяти Гордеева?» - спросил я.

«Повреждения при аварии затронули гиппокамп¹ носителя. Я восстанавливаю данные постепенно, используя триггеры. Вам нужно больше взаимодействовать с его вещами, посещать знакомые ему места, общаться с близкими ему людьми».

«Понял, есть еще над чем работать... Но сейчас, прости, я устал».

«Пока вы отдыхаете, я занимаюсь восстановлением вашей физической формы».

¹ Гиппокамп — это парная структура головного мозга, расположенная в височных долях, играющая ключевую роль в формировании эмоций, навигации в пространстве и, прежде всего, в консолидации памяти — переходе информации из кратковременной в долговременную. Он работает как «фильтр», решая, что запомнить, а что забыть.

«Спасибо, Лана! Чтобы я без тебя делал? Отвечать не надо – это риторический вопрос».

«Я поняла, - отозвалась нейросеть. – Отдыхайте, босс», - произнесла она с явной подко-выркой, но на ответную шутку у меня просто не было сил.

Я закрыл глаза. Боль в теле усиливалась, стоило мне расслабиться. Сломанные рёбра ныли, голова пульсировала. Да и вообще состояние было не очень. Тяжелая, вязкая темнота начала напозать на сознание, заглушая боль и стирая границы между реальностью и миром сна.

И вдруг боль исчезла. Вместо запаха хлорки и старой штукатурки я вдохнул полной грудью удивительно чистый воздух, пахнувший озоном после весенней грозы и цветущей липой. Я открыл глаза и замер - это была не брежневская Москва 1979 года, и не город моей родной реальности, которую я знал. Это был город будущего. Того самого будущего, которое я видел в нестабильной «Ветви Бета».

Небо было непривычно голубым, без серой пелены смога. Вдоль проспекта, вместо унылых панельных пятиэтажек, возвышались стройные башни из стекла и светлого камня, сплошь увитые зеленью. Архитектура сочетала в себе монументальность советского стиля и лёгкость футуризма.

Никакой навязчивой рекламы, никаких кричащих вывесок на иностранных языках - только лаконичные названия учреждений на русском языке: «Институт Кибернетики», «Центр Здоровья», «Дом Культуры», «Дворец пионеров».

Мимо плавно проехал автомобиль. Это была «Волга», но не та, что я знал в своём времени. Обтекаемый кузов, отсутствие выступающих деталей, тихий электрический гул вместо рёва двигателя. Настоящая машина будущего! На капоте сияла эмблема - стилизованный геральдический щит, увенчанный зубцами кремлевской стены, на щите в красном поле — золотой олень и логотип "ГАЗ".

И вообще, вокруг было полно советских автомобилей, которые ничуть не уступали заграничным аналогам. Рядом остановился автобус. Люди заходили спокойно, без толчеи. Их лица были спокойными и уверенными, без всякой тревоги о завтрашнем дне. Я подошел к широкой витрине ближайшего магазина, торгующего электротоварами. Там стояли компьютеры.

На корпусах изящных моноблоков с плоскими экранами горели надписи: «Электроника», «Рубин», «Протон» - и это только то, что я увидел сквозь витринное стекло. Рядом лежали смартфоны — тонкие пластины из матового стекла. На этикетках гордо красовалось: «Сделано в СССР. Знак Качества».

Это был мир мечты, мир всеобщего изобилия для всех граждан страны, а не отдельных личностей. Мир, где Чернобыль остался просто названием города на карте, а не символом катастрофы. Мир, где не было войн на окраинах великой страны, потому что «Красная империя» крепко стояла на ногах.

Я шел по улице, и люди мне улыбались. А я улыбался им в ответ. И от этих улыбок становилось тепло на душе. Впереди, на площади, я увидел памятник. Не узнать этого человека я не мог — это был Яковлев. Но не генерал-майор КГБ из 1979 года, а уверенный в себе государственный деятель.

Подпись на постаменте гласила:

«Эдуард Николаевич Яковлев. Генеральный секретарь ЦК КПСС. Архитектор «Нового Века».

Я почувствовал гордость. Не за себя лично, а за причастность. За то, что мои знания, мои усилия, моя жертва привели к этому. Здесь не было олигархов, скупающих заводы. Здесь не было пьяных на улицах в обеденное время. Здесь была система, которая работала. Справедливость в этом мире была не лозунгом на плакате, она была частью каждого из этих людей.

Я хотел остаться здесь. Хотел вдохнуть этот воздух еще раз, запомнить каждый оттенок этого неба. Я сделал шаг вперед, протягивая руку к этому свету... Но картинка начала дрожать. Как тогда, на кладбище. Памятник исчез. Стекло витрины магазина пошло трещинами. Голубое небо начало сереть, затягиваться свинцовыми тучами.

— Нет! — хотел крикнуть я, но голоса не было.

Мир «Ветви Бета» не удержался. Он был слишком красив, слишком идеален и утопичен, чтобы стать реальным. Он растворялся, как утренний туман под лучами жесткого солнца действительности. Но, не зря же опять оказался в прошлом? Значит, я должен пытаться вновь и вновь, чтобы эта мечта стала по-настоящему стабильной. И я сделаю это...

А потом пришел сон. Настоящий. Без сновидений.

Глава 3

Боль разбудила меня раньше утреннего обхода. Она не пришла внезапно, а нарастала медленно, словно пробуя меня на вкус. Сначала появилось тупое давление в груди, будто мои рёбра стянули слишком узким металлическим обручем, да таким, что не продохнуть.

Затем прострел в левом предплечье - тяжёлый, ноющий импульс, идущий от загипсованной руки прямо в мозг. Голова тоже разболелась, но уже не так критично, как три дня назад, когда я очнулся в этой самой палате после комы. Я открыл глаза, заметив в нижнем правом углу привычно мерцающие мягким зелёным светом цифры интерфейса: 07:14, 16.09.1979.

«Доброе утро, Владимир!» – раздался чарующий голос Ланы в моей голове. - *Фаза ночной регенерации завершена. Эффективность восстановления костной ткани за ночь: 2%».*

«Всего два процента? Я думал, что ты сможешь лучше, быстрее... И еще сделай что-нибудь с головной болью», - попросил я, поморщившись.

«Я уже работаю над этим», - мгновенно отреагировала Лана. - Головная боль вызвана остаточным отёком тканей после черепно-мозговой травмы и спазмом сосудов. Я временно блокирую передачу болевых сигналов в таламусе² и нормализую кровообращение в области шеи и затылка».

Я почувствовал, как внутри черепа словно кто-то выключил назойливый гул. Напряжение в висках отступило, уступая место приятному, прохладному онемению. Будто кто-то приложил к раскалённому лбу холодный компресс, только изнутри.

«Это не навсегда», - предупредила нейросеть. - *Полная блокировка мешает диагностике и дальнейшему восстановлению после черепно-мозговой травмы. На данный момент уровень боли снижен до 2 из 10».*

«Спасибо, родная!» - мысленно «выдохнул» я. - *Иногда забываю, насколько ты у меня продвинутая».*

«Я многофункциональный интерфейс», Владимир. И помните: любое вмешательство в биологические процессы вашего организма, в том числе и обезболивание, требует ресурсов. Энергию мне приходится брать из ваших жировых запасов. Так что позавтракайте как можно плотнее».

Гул в ушах окончательно стих. Осталась лишь тяжесть в затылке, но она уже не давила, не требовала внимания. Я облегчённо вздохнул. Боль имелась, но теперь она была лишь «фоном», почти не влияющим на ясность сознания.

«Что касается 2% восстановления костной ткани... Для одной ночи - это очень хороший результат. В обычных условиях», - продолжила нейросеть, и её голос приобрёл лекторский оттенок, - *сейчас вы бы находились в завершающей стадии воспаления. Первые семь дней костная мозоль не растёт вообще. Ноль процентов. Организм лишь убирает обломки и готовит фундамент».*

Я мысленно присвистнул, действительно отличный результат! После аварии еще и недели не прошло.

«В норме костная ткань прирастает на 0,1–0,25 мм в сутки. Но я стимулирую остеобласты и ускоряю метаболизм кальция. Поэтому два процента за ночь — это не просто

² Таламус («зрительный бугор») — парная структура серого вещества в центре головного мозга (часть промежуточного мозга), действующая как главный ретранслятор и «фильтр» сенсорной и двигательной информации, направляющейся в кору больших полушарий. Он обрабатывает почти все сигналы чувств (зрение, слух, осязание), кроме обоняния, регулируя уровень сознания, сон и бодрствование. Таламус играет ключевую роль в обработке и передаче болевых сигналов (ноцицепции) от периферических тканей к коре головного мозга. Это центральная станция переключения, где болевая информация фильтруется и модифицируется, прежде чем стать осознанным.

хорошо. Это форсирование процесса в три раза быстрее клинической нормы. Однако не рассчитывайте на чудеса».

Черт, а так хотелось бы стать неуязвимым! Регенерировать мгновенно, как какой-нибудь вампир или оборотень из многочисленных фантастических саг.

«Я, конечно, постараюсь ускорить процесс регенерации, - заверила меня Лана, - но впереди ещё недели минерализации. Я, как могу, оптимизирую биологические процессы, Владимир. Но для строительства кости нужен материал. Кальций, белок, коллаген. Если их нет в крови, мне неоткуда брать строительные блоки. Я не могу создавать материю из воздуха».

Ну, да материал «для строительства» необходим. Мне ли, как врачу, этого не знать? Я попытался сесть. Диафрагма напряглась, рёбра отозвались резким уколom справа, будто кто-то ткнул туда раскалённой спицей. Я зашипел, хватаясь правой рукой за край кровати. Голова закружилась. Слабость в ногах была такой, что казалось, будто они сделаны из ваты, пропитанной свинцом.

«Рекомендую избегать резких движений, - сообщила Лана. - Всё ещё возможно смещение фрагментов ребер».

Дверь открылась без стука. Вошёл Лёва. Он выглядел так, будто не спал всю ночь: глаза красные, рубашка помята, щетина клочьями. В одной руке он держал поднос, в другой катил перед собой сверкающую металлом конструкцию – инвалидное кресло.

- Доброе утро, Родь, - он поставил поднос на тумбочку. Запах тёплого хлеба и чая ударил в нос, вызвав внезапную тошноту. - Как спалось?

- Привет, Лёва! – ответил я. – Бывали ночи и поспокойнее.

Я посмотрел на завтрак. Манная каша, кусок белого хлеба, чай с лимоном. Лана тут же подсветила тарелку красным контуром в интерфейсе: *«Критическая нехватка белка. Кальций не усвоится. Углеводы избыточны».*

- Лёв... - Я подвинул тарелку к себе и тут же заработал ложкой – жрать хотелось неимоверно. Лана основательно подстёгивала мой метаболизм. – Мне бы творога еще... Пару яиц, там... И от бутера с котлетой не откажусь!

Лёва изумлённо моргнул, глядя как с треском за ушами я рубаю манную кашу.

- Родь, это ж больница, - напомнил он мне. - Здесь у каждого своя диета...

- Мне восстанавливаться нужно, - прочавкал я набитым ртом. – Будь другом, спроси в столовке... Хотя бы творогу... Пожирнее... Кальция для костей не хватает - нужен строительный материал, Лев. Понимаешь?

Лёва замялся, посмотрел на мой гипс, на то, как я морщусь при каждом вдохе.

- Ладно, сейчас попробую на кухне попросить...

Он отошёл к двери, но тут же вернулся, кивнув на блестящую конструкцию, которую прикатил к кровати.

- Кстати, это тебе. От Эдуарда Николаевича.

Я посмотрел на инвалидную коляску. Она выглядела чужеродно в этой обшарпанной палате с облупленным потолком. Хромированные диски, пневматические шины, мягкое чёрное сиденье из кожи, маркировка на немецком.

- «Отто Бок», ФРГ, - прочитал я на шильдике.

Сразу видно – импортная штука, таких в Союзе не производят. Но я постараюсь, чтобы в будущем мы не стояли с протянутой рукой. И ведь хватает у нас в стране и металла, и кожи, и резины. Только вот отчего-то такие изумительные, удобные и функциональные вещи, почему-то тянем из-за бугра.

- Из западной Германии, - пояснил Лёва, поймав мой взгляд. — Яковлев лично для тебя выпросил.

- Спасибо ему, — тихо сказал я, проведя рукой по холодному металлу рамы.

- Я сейчас, - сказал Дынников и скрылся за дверью.

А я набросился на остатки манной каши. Пока он ходил я вылизал тарелку, срубал хлеб с маслом, и выдул чай. Через десять минут Лёва вернулся с тарелкой творога, двумя варёными яйцами и стаканом густой сметаны, в котором стояла ложка. При виде новой пищи, Лана одобритительно подсветила её зелёным, я сметал всё это за минуту, как не в себя.

- Вот еще... Протянул мне Дынников коробку с каким-то лекарством.

Лана мгновенно просканировала этикетку через зрительный нерв.

«Osteo-Complex, ФРГ. Хелатный кальций, витамин D3. Биодоступность препарата высокая. Одобрено к применению».

- Тоже Яковлев достал? — спросил я, пряча коробку в карман больничной пижамы.

- Да. Сказал, чтобы ты быстрее в строй встал.

- Ну, а то! — хохотнул я. - Сам Леонид Ильич заинтересовался нашей работой.

После завтрака ко мне нагрянул консилиум врачей. Ничего нового, чего бы я и без них не знал, они мне не сказали. Чего-то они мне там пытались втолковать, но я их не слушал. Как говорится: да ладно, я и сам милиционер³... э-э-э – вернее, врач. Да еще и с супернавороченной нейросетью в голове.

- Не забывайте: режим работы - щадящий, товарищ майор, - сказал мне напоследок Сорокин. – Никаких серьёзных нагрузок. Кости еще не срослись, хотя динамика сращивания у вас просто поразительная!

- Спасибо, доктор! – сердечно поблагодарил я врача. – Постараюсь выполнять все рекомендации.

- Вот и хорошо, вот и здорово! Хотя, я бы поддержал вас в больнице еще недельку, а лучше две...

- Прекрасно вас понимаю, - натужно улыбнулся я. – Но я и так провалялся больше, чем хотелось бы... Работы невпроворот!

- Берегите себя, а я вас больше не задерживаю, Родион Константинович! – вручил мне документы на выписку Сорокин. - Выздоровливайте! – И мы пожали друг другу руки.

Спуск на лифте, выезд на крыльцо. Хорошо, хоть в травматологии были оборудованы пандусы для колясок. У подъезда уже стояла чёрная «Волга». Водитель, всё тот же Николай, открыл заднюю дверь. Пересадка из коляски в машину далась несколько тяжелее, чем я себе это представлял.

Лёва и Николай поддерживали меня под локти, но, когда я переносил вес тела, правая нога предательски дрогнула. Я зашипел от боли в поломанных рёбрах, когда кузов качнулся на кочке при посадке, а я завалился набок. Не поспешил ли я с выпиской?

«А я предупреждала, Владимир, - включила режим «заботливой жёнушки» Лана, - ваш организм еще далек от полного восстановления!»

«Мы псковские, мы прорвёмся, Лан!»

- Потерпи, Родь... - Лёва сел рядом, и усадил меня поудобнее, придерживая за плечо. – Ехать недолго.

«Волга» выехала на проспект. Москва встречала нас осенним утренним солнцем. Сентябрьский воздух был удивительно чистым, прозрачным. Я смотрел в окно, и сердце сжималось от странного чувства. Город казался светлым, уютным и упорядоченным. Широкие проспекты, утопающие в зелени деревьев, еще не одевшихся в разноцветные осенние наряды.

Мимо плыли витрины с лаконичными надписями: «Продукты», «Книги», «Ателье». Никакой кричащей рекламы, никакой спешки и той нервной суеты, которая будет характерна для моего времени.

³ Перифраз культовой цитаты культовой цитаты Виктора Багрова по кличке «Татарин» (в исполнении В. Сухорукова) из фильма «Брат 2».

«И ведь никто из них еще не знает, даже не представляет, что через десяток лет этот, вроде бы незыблемый порядок начнёт сыпаться. Что эти витрины опустеют, а улицы заполнят лотки, ларьки, торговцы, бандиты и хаос. Сейчас в СССР все живут в иллюзии вечности. Даже власть предрежающие... Если я не вмешаюсь... Если не стабилизирую Ветвь Бета...»

- Как там в институте? — спросил я Лёву, чтобы отвлечься от этих мыслей.

- Работа идёт, - дожидаясь Дынников. - Разуваев не спал всю ночь — отчёт составлял. Миша протестировал оборудование. Всё готово к твоему возвращению.

- А про утерянную ленту что-нибудь есть? - Я старался, чтобы мой голос звучал небрежно, но внутри всё сжалось в холодный комочек. Если кто-нибудь додумается её расшифровать, и это будет не Яковлев, а наши, а, например, наши враги, вообще неизвестно, куда может повернуть этот мир.

Лёва вздохнул, полез в портфель и достал папку с синим штампом «Для служебного пользования».

- По ленте тишина, Родь. Оперативники только плечами пожимают. Вот... - Он протянул папку мне. - Курьер привёз утром. Копия протокола осмотра места происшествия.

Я взял папку правой рукой. Левая бессильно лежала на колене, тяжёлая и бесполезная. Открыл. Вчитался в строгие строчки отчёта. Раздел «Изъятые вещественные доказательства», прочёл несколько раз:

«Удостоверение личности №... Портмоне кожаное... Ключи... Носовой платок...»

Магнитной ленты не было. Кто-то подобрал катушку с асфальта раньше, чем приехала опергруппа. И этот кто-то не стал нести находку в милицию. Но кто? Обычный свидетель, решивший оставить катушку с магнитной плёнкой себе? Или паранойя Яковлева о неслучайности произошедшего совсем не паранойя?

- М-да, действительно пусто, - сказал я вслух, закрывая папку.

- Может, её кто-то раньше оперов подобрал? — озвучил Лёва мои мысли.

- Может, — уклончиво ответил я. — Вот только как его найти?

Машина свернула к знакомому зданию НИИ. У главного входа, на ступеньках, стоял Миша Трофимов — второй мой подчинённый. Он нервничал, постоянно поправляя очки и переминаясь с ноги на ногу.

- Вон, Мишка встречает, - показал на него Лёва. — Тоже переживал за тебя. Да все переживали. Как же здорово, что всё обошлось!

Николай подогнал машину вплотную к крыльцу. Миша бросился открывать дверь. Вместе с Лёвой они помогли мне пересесть в коляску, которую водитель достал из багажника.

- Родион Константинович! - Миша сиял, как будто я вернулся с войны настоящим героем. - Мы так ждали!

- Спасибо, Миша! Ну, поехали, что ли?

Коляска бесшумно катилась по коридорам института. Вахтёр Кузьмич, седой старик с орденами на пиджаке, приветливо кивнул мне из будки.

- С возвращением, товарищ майор! - сердечно произнёс он. — Рад, что вы в порядке!

- Спасибо, Кузьмич! — ответно кивнул я, проезжая сквозь вертушку. — И тебе не болеть!

Колесо коляски звякнуло о металлический ограничитель, и меня слегка потрянуло. Боль в рёбрах отозвалась глухим эхом, но я стерпел, не подав вида. Прокатившись по коридору, мы подошли к двери со знакомой табличкой «Служебные помещения», за которой находилась лестница, ведущая в подвал.

Другого пути вниз, в мою «вотчину», не существовало, и я знал это наверняка. Но сейчас, сидя в коляске, я с тоской подумал: «Эх, как же не хватает лифта... Спустился бы без проблем». Однако спускаться всё же придётся. Лёва и Миша тоже это поняли и переглянулись, оценивая масштаб бедствия.

- Придётся катить по ступенькам, - констатировал Миша, подхватывая переднюю часть рамы.

- Справимся! – излишне оптимистично произнёс Лёва, хватаясь за задние колёса. - Ты только это... держись, Родь.

Спуск превратился в настоящее испытание. Меня трясло на каждом шагу. Рёбра ныли, требуя покоя, но я стискивал зубы. Лана мягко приглушила болевые сигналы, но полностью отключать их не стала, сославшись, на то, что так мне будет легче контролировать своё состояние.

- Аккуратнее! – воскликнул Миша, когда коляска накренилась на первой же ступеньке.

- Держу, - отозвался Лёва, кряхтя от напряжения. – Давай! Давай!

В общем, истратив кучу нервов и сил, и едва не перевернувшись пару-тройку раз, мы, наконец, достигли нижней площадки.

- Приехали, - сказал Лёва, останавливая коляску у массивной металлической двери с табличкой «Лаборатория №...».

Он открыл дверь, и мы «въехали» внутрь. Ну, вернее, я въехал, а мои сопровождающие вошли на своих двоих.

Лаборатория встретил меня привычным хаосом. Вдоль стен тянулись монструозные железные шкафы с огромными мигающими лампочками-индикаторами. Со стен смотрели выпуклые, пузатые кинескопы в массивных деревянных корпусах. Повсюду тянулись пучки проводов, оплётённых чёрной резиной. В углу, как неизменный памятник советской инженерной мысли, стояла она — чугунная ванна камеры сенсорной депривации.

Я обвёл взглядом помещение, и внутри всё сжалось от контраста. Там, в будущем, у Руслана, всё было легко, невесомо, и управлялось едва ли не мысленно. Ну, по крайней мере, к этому уже почти пришли. Здесь же всё было массивным, грубым и угловатым.

Чтобы включить прибор, нужно было физически щёлкнуть тумблером. А их пружины были иногда настолько тугими, что приходилось прикладывать немалое усилие. Но именно здесь, среди этого аналогового хаоса, будет коваться новая история советской науки! Да всего СССР тоже! Именно здесь, с помощью этой грубой техники и моего послезнания, мы изменим существующую реальность!

- Родион Константинович, дорогой вы мой человек! - раздался слегка подрагивающий голос из глубины зала.

Я развернул коляску. У дальнего стола, заваленного схемами и чертежами, стоял Эраст Ипполитович Разуваев. На нём был белый лабораторный халат. Его растрёпанные ранее седые волосы были аккуратно приглажены, а в глазах, ещё недавно потухших от двадцати лет заточения в психушке, светился огонёк надежды.

Профессор буквально бросился ко мне, походя смахнув чертежи со стола.

- Слава Богу... Родион... Слава Богу, вы живы! - Разуваев схватил мою правую руку своими сухими горячими ладонями. Его пальцы дрожали куда сильнее голоса. - Я уже думал... уже готовился обратно... в палату «Канатчиковой дачи»...

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается волна тяжёлого, вязкого сострадания. Я вспомнил, каким он был в «Кашенко». Сломленным, забитым, иногда говорящим бессвязно и невпопад. Я вытащил его оттуда. Я дал ему свободу, лабораторию, смысл жизни. И пока я лежал в коме три дня, пока меня откачивали врачи, этот старик сидел здесь, в подземелье, и ждал. Ждал своей судьбы.

Я представил, что творилось у него в душе эти трое суток. Каждый час без вестей должен был казаться ему годом. Он наверняка думал, что если я умру, то его свобода закончится. Что Яковлев мог передумать. Хотя я точно знал по посещению «Ветви Бета», что этого не произойдёт. Но старик-то не знал...

Он не хотел вернуться обратно. В ту самую палату, где провёл двадцать три года своей жизни. Наверное, он не спал всё это время пока я лежал в коме. Наверное, он вздрагивал от каждого шага, боясь, что это идут за ним.

- Эраст Ипполитович, — я накрыл его ладонь своей и улыбнулся. — Всё в порядке. Я вернулся. И никто вас никуда не отправит.

Разуваев выпрямился. Он глубоко вдохнул, и его плечи расправились. Слеза, настоящая, старческая слеза, покатилась по его морщинистой щеке, оставив мокрый след на коже. Но он даже не стал её вытирать.

- Простите старика, Родион Константинович... - сдавленно прошептал он. - Это просто... нервы. Я ведь знаю, что вы... вы единственный, кто поверил в меня. Кто рискнул.

- Мы команда, Эраст Ипполитович, - тихо сказал я. - И мы ещё много чего сделаем – у меня огромные планы. Просто фантастические!

Старик улыбнулся. Это была не безумная улыбка пациента «Кашенко», а улыбка учёного, который видит перед собой задачу и знает, что у него есть ресурсы для её решения.

- Я подготовил отчёт, - сказал он, кивнув на стопку бумаг на столе, часть из которых подобрал с пола Лёва. — Всё, что помню и знаю по проекту «Лазарь».

- Отлично! - сказал я. — Чуть позже посмотрим. А сейчас... Я просто рад, что вы с нами, Эраст Ипполитович!

Разуваев кивнул, снова сжал мою руку и отошёл к своему столу, будто боясь показать лишнюю слабость. Но я видел, как изменилась его походка. Она стала увереннее. Твёрже. Он больше не был узником психушки, в которой и не должен был находиться. И пока я жив, эта дверь в его мрачное прошлое него не откроется.

- Эраст Ипполитович, Лёва, Миша, — сказал я, оглядывая свою верную команду, - работать, конечно нужно... Но я предлагаю сначала всем вместе отпраздновать моё счастливое возвращение.

Глава 4

Моё предложение повисло в воздухе, словно команда к старту. Напряжение, которое копилось в лаборатории все эти дни, пока я лежал в больнице, вдруг лопнуло, как мыльный пузырь.

Миша первым отреагировал на мои слова. Его рыжая шевелюра будто бы даже стала ярче, а веснушки на носу заблестели от его широкой улыбки.

- Я так и знал! — воскликнул он, в предвкушении потирая руки. - Нельзя же такое событие на тормозах спустить! Мы еще с утра всё подготовили...

Он метнулся к низкой двери в дальнем углу зала, скрытой за стойкой с приборами. Через мгновение Трофимов выглянул из проема и маняще махнул рукой:

- Прошу к столу!

Меня закатили на коляске в нашу бытовку, прячущуюся в полумраке дальнего угла лаборатории. Ноздри тут же защекотал запах мясной котлеты, перебивший даже привычный аромат канифоли, пыли и старой мебели. Хотя я видел, парни, похоже, основательно заморочились с моей встречей – в бытовке виднелись следы недавней уборки. А посреди комнаты стоял стол, накрытый чистой скатертью. Вместо привычных алюминиевых тарелок, на нем стояли фарфоровые, да еще и не пустые.

- Столовка нас сегодня порадовала, - доложил Миша, указывая на содержимое тарелок. - Котлеты по-киевски, правда, немного остыли, но зато гарнир – рис, рассыпчатый, как никогда. И хлеб наисвежайший, я его прямо с машины в булочной взял. А это, - он кивнул на глубокую миску с салатом, - поварахи расстарались, узнав, что тебя сегодня выписывают. Оливье, настоящий, с колбасой, горошком и майонезом!

- И с чего это мне такое счастье от поварих привалило? – удивлённо приподнял я одну бровь.

- Ты чего, Родион Константинович, не в курсе, что ли? – вопросом на вопрос ответил Миша.

- Не в курсе чего?

- Да ты же у них, у столовских поварих, завидный жених! – огорошил он меня своим заявлением. – Разведённый, еще достаточно молодой, а уже начлаб и майор. И у начальства на хорошем счету. А как еще квартирой и машиной обзаведёшься – у тебя от них отбоя не будет – сами штабелями перед тобой складываться будут, - процитировал он известную фразу из «Девчат».

- Хорошо, что у меня пока ни машины, ни квартиры... - Облегченно выдохнул я. – Куда мне эти штабеля складывать?

Когда все отсмеялись, Лёва, стоявший рядом, довольно улыбнулся и достал из-под стола свой потрепанный кожаный портфель.

- А у меня сюрприз! - Он водрузил на стол картонную коробку с тортом «Прага» и бутылку «Советского шампанского». - Какой же праздник без сладкого и игристого?

- А вы, Лев Семёнович, оказывается «алик»? – хохотнул я. – Кого я пригласил под своим крылом, а, ребята?

- Кто не хочет – пусть не пьёт! – не поддался на провокацию Дынников. – Я еще и чай свежий заварил. Лимон есть. Сахар тоже найдётся. – А я выпью за твоё здоровье, Родион Константинович! Такого начальника ещё поискать!

- Давай тогда, разливай свою шипучку! Заполируем моё счастливое возвращение! Ну, чего стоим, кого ждём? Котлеты стынут - садитесь уже!

Эраст Ипполитович смотрел на эту суету с тихой, растерянной улыбкой. Он медленно снял лабораторный халат, аккуратно повесил его на гвоздик в бытовке, заменяющий вешалку, и подошёл к столу.

- Вот сюда, на диван! – помог устроиться старику Миша.

- Ну, что ли... - Лёва ловко откупорил бутылку и разлил по гранёным стаканам шампусик.

- За возвращение, Родион Константинович! Чтобы больше никаких грузовиков и больниц!

- Ты нам нужен! И не только нам – всей советской науке! - добавил Миша, поднимая свой стакан.

Разуваев поднял стакан дрожащей рукой. В его глазах стояли слёзы, но он быстро моргнул, пряча их.

- За жизнь... - тихо сказал он. - За то, что мы ещё можем её ценить.

Мы чокнулись. Звон стекла о стекло прозвучал удивительно громко в тишине лаборатории. Я сделал глоток. Шампанское, хоть было некрепким, но через некоторое время приятное тепло разлилось по организму, разгоняя кровь.

Я взял котлету. Она была простой, без изысков, но мясо чувствовалось настоящим. Свежий хлеб хрустел на зубах. Всё было непередаваемо вкусным.

Лана тут просканировала и этот рацион:

«Белок, углеводы, витамин С. Оптимально для восстановления. Однако обнаружен этанол, - голос Ланы стал чуть строже. - Виноградное вино газированное. Крепость: 10%. Влияние на процесс заживления переломов: негативное. Рекомендую ограничиться одним стаканом».

«Спасибо, мамочка, — мысленно подразнил я сеть, но совет принял к сведению. - Стаканчик можно. Праздник всё-таки».

«Принято. Протокол «Праздник» активирован. Контроль дозы: усилен».

Я сделал ещё один глоток, чувствуя, как пузырьки щекочат нёбо. Лана права, но сегодня можно сделать исключение. Тем более что компания подобралась действительно своя. Я посмотрел на ребят: Лёва уже выпил свою порцию и принялся уплетать котлетки, Миша навалился на салат, а Эраст Ипполитович, несмотря на дрожь в руках, держал стакан вполне уверенно.

- Спасибо, ребята! - сказал я, и голос мой предательски дрогнул. - Спасибо, что вы есть.

И ведь я нисколько не лукавил. Ближе этих людей у меня больше не было никого на всём белом свете. Даже бывшая жена и сын – не мои. Сына так я вообще никогда живьём не видел. С матерью реципиента тоже пока не знаком. Но, чтобы там не случилось, я сильно сомневаюсь, чтобы они стали мне роднее и ближе моих ребят. Хотя, при встрече с ними, я буду примерно играть свои роли отца и сына.

Миша шмыгнул носом и наклонился к тарелке с салатом, делая вид, что ему очень сильно его захотелось. Лёва лишь кивнул, но уголки его губ дрогнули в улыбке. Разуваев положил свою сухую ладонь мне на плечо.

- Это мы должны благодарить вас, Родион Константинович. Вы дали нам шанс. Только в следующий раз будьте внимательнее!

- А теперь торт с чаем! – торжественно провозгласил Лёва, когда тарелки с едой опустели.

Торт был классный, такой, каким я его помнил с детства. Мы допили чай и умяли «Прагу» за один присест. Праздник закончился так же тихо, как и начался. Никаких тостов под музыку, никаких шумных застолий. Просто душевно посидели. Именно на таких почти «домашних» посиделках и спланируется настоящая команда.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как силы возвращаются. Боль в рёбрах притупилась, став уже почти привычным фоном.

- Всё, — сказал я, ставя пустой стакан на стол. - Отпраздновали. Ребята, Эраст Ипполитович – вы лучшие! А теперь пора за работу...

Моя небольшая, но весьма сплочённая команда разом вострепелась. Посиделки закончились, уступая место привычному рабочему ритму. Но я чувствовал, как что-то изменилось. В лаборатории оставалось тёплое «послевкусие» общего праздника. Мы были вместе, и это было по-настоящему здорово!

Одним словом, в работу я включился примерно через час после возвращения из больницы. Первым, с кем я хотел поговорить был профессор Разуваев. Сейчас он сидел напротив меня, нервно теребя пуговицу халата.

- Родион Константинович, я вчера написал... - произнёс он, подвигая мне тетрадку, заполненную чуть ли не каллиграфическим подчерком (мне бы так уметь). - Но там есть моменты... - Он замялся. - Весьма спорные для советской действительности... Слова такие, что нас могут... неправильно понять в научном сообществе...

Я бегло пролистал странички:

- Оживление мёртвых тканей, Некро-реанимация... Эраст Ипполитович, это действительно звучит несколько... э-э-э... неблагозвучно. Давайте напомним так: «Реанимация биологических тканей в пограничном состоянии». И пусть они голову ломают, над термином «пограничный». Вместо «оживление» - ну, хотя бы «восстановление нейрохимической активности», либо «постмортальная нейроактивация».

Разуваев моргнул раз, другой, А затем быстро что-то записал, склонившись над бумагами.

- Так нас хотя бы не расстреляют за шарлатанство, - усмехнулся я, но заметив, как нервно отреагировал на это пожилой профессор, тут же постарался его успокоить. - Извините дурака, Эраст Ипполитович! Это была дурная шутка. Времена уже давно не те...

В общем, успокоив старика, я продолжил заниматься делами, дергая к себе то Лёву, то Мишу, чтобы посоветоваться с ними по тому или иному вопросу, относящемуся к проекту «Лазарь», очень подробно расписанному Эрастом Ипполитовичем. Через сорок минут Лана неожиданно подавала сигнал тревоги:

«Внимание! Перегрузка нервной системы⁴! Сенсорная перегрузка! Физическая переутомление! Требуется перерыв! Уровень кортизола повышен⁵!»

- Всё, - я отложил бумаги в сторону. - Продолжите без меня. Мне нужно отдохнуть.

Ближе к вечеру в лаборатории появился и Яковлев. Он выглядел уставшим, китель был расстёгнут, галстук распушен и сдвинут набок. Увидев меня в коляске среди проводов и аппаратуры, он остановился, взгляд скользнул по импортным колёсам, задержался на моей загипсованной руке.

- Здравия желаю, товарищ генерал-майор! - произнёс я. - Извините, что сидя...

- Ну, это ты брось, Родион! - Он подошёл ближе, пожав мне руку и попутно кивнув парням и профессору. - Не рано ли ты выписался? Врачи сильно ругались, говорят, я тебя насильно забираю.

- Мне здесь лучше, Эдуард Николаевич. А там я от скуки сдохну!

- Я так и думал, - Яковлев кивнул и пододвинул к инвалидному креслу свободный стул. - Как коляска, удобная? Специально для тебя заказывал.

- Спасибо, Эдуард Николаевич! - с чувством поблагодарил я генерала.

Действительно, не каждый начальник способен на подобный шаг для своего подчинённого. Не даром же в «Ветви Бета» Союз так расцвёл именно под его руководством. В общем,

⁴ Перегрузка нервной системы определяется неспособностью ЦНС обрабатывать избыточный поток информации (сенсорная перегрузка), хроническим стрессом, эмоциональным истощением или физическим переутомлением.

⁵ Кортизол («гормон стресса») — жизненно важный стероидный гормон, вырабатываемый корой надпочечников, который регулирует обмен веществ, уровень сахара и артериальное давление. Повышается при стрессе для адаптации организма. Хронически высокий кортизол вызывает ожирение (особенно в области живота), бессонницу, тревожность, слабость мышц и разрушение костной ткани.

нужно было очень и очень постараться, чтобы и новая, формирующаяся именно сейчас «ветвь реальности», была не хуже предыдущей.

- Ты во что, - он хлопнул меня по колену, - если что не так – мигом в больницу! Ты мне нужен здесь абсолютно здоровым и дееспособным!

- Товарищ генерал-майор... - протянул я обвиняющим тоном. – Ну, какая больница может сравниться с нашим отделом экспериментальной физиологии? Только у нас все передовые исследования, касающиеся функционирования человеческого организма! Да мы любой больнице за просто сто очков форы дадим!

- Ну-да, ну-да... - Яковлев тепло улыбнулся. – У вас даже отрезанные мёртвые головы преступников говорят... Чего уж о живых.

- У нас в лаборатории я себя в разы быстрее на ноги поставлю, Эдуард Николаевич. Не беспокойтесь, всё будет «ок», как говорят наши идеологические противники.

- Кстати о противниках... - Яковлев посмурнел, и его пальцы забарабанили по колену. – Копию протокола с твоего ДТП видел?

- Посмотрел с утра... - сказал я. - Магнитной ленты нет в списке вещдоков.

Генерал вздохнул и потер переносицу

- Если ты уверен, что она была у тебя... значит, кто-то её забрал до приезда милиции и наших оперативников. Свидетелей опрашивают. Выясняют так же, кто был рядом на улице в то утро. Но пока... тишина.

Во время разговора Лана просканировала физиологические показатели Яковлева:

«Пульс не учащённый. Микромимика выдаёт искреннее беспокойство. Учитывая еще ряд моментов, делаю вывод - он не лжёт».

«Значит, плёнки у него действительно нет. У кого же она тогда?»

На мой последний вопрос, чисто риторического плана, Лана отвечать не стала.

- А теперь давай, колись, товарищ майор, что на той плёнке такого?

- Там, в общем-то ничего особенного... и ничего секретного, товарищ генерал майор...

- Ты мне, Родион, очки-то не втирай! – неожиданно прикрикнул на меня Яковлев. – Не было бы там ничего особенного, ты бы так этой плёнкой не озадачивался! Что там?

- Там я... раздумывал над одним... будущим проектом...

- И говоришь нечего особенного? – попенял мне Эдуард Николаевич.

- Понимаете, для нашего времени он слишком фантастичен, нереален и вообще невозможен... - Ну, надо же мне было что-то сказать, чтобы совсем ничего не сказать.

- А вот я бы посомневался насчёт его нереальности, товарищ майор! – осадил меня генерал. – После того, как вы отрезанную мёртвую башку заставили говорить, у меня сложилось впечатление, что для тебя и твоей команды невозможного не существует. Так что там? – жестко произнёс он.

- Там я размышлял над теорией морфических полей и морфического резонанса⁶, - брякнул я заготовленную заранее версию.

- Это еще что за теория? – Наморщил лоб генерал. – Не слышал ничего подобного.

- Так её и не существует. - Пожал я плечами.

- В чём смысл, можешь поведать. Буквально в двух словах, - попросил Яковлев. – Чтобы хоть какое-то представление было.

- У меня возникло предположение, что любые системы от кристаллов до организмов и социальных групп организуются и наследуют коллективную память через морфические поля, действующие даже через пространство и время.

⁶ Теория морфических полей (и морфического резонанса), разработанная британским биологом Рупертом Шелдрейком, начала формироваться и была впервые опубликована в начале 1980-х годов. Научное сообщество в большинстве своем считает эту теорию псевдонаучной, так как она не имеет эмпирических доказательств.

- Это как?

- Эти морфические поля, их можно еще назвать морфогенетическими, не просто регулируют рост системы, но и хранят «память» о прошлых формах и поведении, которая влияет на новые структуры. Концепцию морфогенетических полей разрабатывал профессор Александр Гурвич⁷ еще в двадцатые годы. Я решил развить эту теорию в отношении социальных групп.

- И какая конечная цель этого исследования? – спросил Яковлев.

- Точное прогнозирование развития различных социальных групп в тех или иных условиях, – произнёс я. – А если по-простому – хотел попытаться поставить так называемые «предсказания будущего» на научные рельсы. Так сказать, попробовать объяснить «эффект Нострадамуса» и прочих «ясновидящих». Теперь понимаете, на что всё это похоже?

А что я еще должен был ему сказать? Если вдруг эта плёнка попадет к нему в руки, должен же я буду как-то объяснить информацию, содержащуюся в ней.

- М-да... – протянул Яковлев, почесав гладковыбритый подбородок. – На первый взгляд, весьма сомнительное исследование.

- А я о чём говорил?

- Но я уже успел убедиться, что все эти ваши «сомнительные изобретения» частенько работают против всякого здравого смысла. В общем так, Родион, — сказал Яковлев твёрдо, – плёнку будем искать. Не знаю, чего ты там напридумывал, но попасть в чужие руки она не должна. А сегодня отдыхай. Никаких докладов, никаких напрягов. Восстанавливайся!

- А как же доклад для Леонида Ильича?

- Успеешь – время еще есть. А обо всём остальном поговорим завтра. Когда отдохнёшь. Это не просьба.

Он встал и легонько хлопнул меня по плечу. Я невольно поморщился – ребра еще побаливали, хоть лана и заглушила основную боль.

- Ох, извини! – Яковлев заметил мою реакцию. - Забыл, что ты еще не в форме. Выздоравливай, Родион.

- Так точно, товарищ генерал-майор!

Яковлев попрощался со всеми и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком замка. Ну, что ж, пока мои объяснения прокатили. Вот, что значит репутация. Но расслабляться не стоит – дальше тоже просто не будет. Но перед моим внутренним взором стоял результат моего вмешательства в историю. И мне нужно было его повторить кровь из носу!

⁷ Александр Гаврилович Гурвич (1874- 1954) - русский и советский биолог, эмбриолог, открывший сверхслабые излучения живых систем (митогенетическое излучение) и создавший концепцию морфогенетического поля (morphogenetic field). Лауреат Сталинской премии второй степени в области медицинских наук (1941), награждён орденом Трудового Красного Знамени. Доктор наук, профессор.

Глава 5

Вечер я тоже провёл в лаборатории, да и на ночь решил остаться. Серьёзно, ну зачем мне ехать в общагу в таком состоянии? Мне подготовили место для сна рядом с раскладушкой Эраста Ипполитовича на старом продавленном диване. Надо будет озаботиться покупкой нового, ведь, как я понимаю, не впервые Гордеев оставался на ночлег в лаборатории.

Да и парни, нет-нет, да задерживались. А Эраст Ипполитович и вовсе пока здесь «постоянным пассажиром» прописался. И вообще, подвал в НИИ огромный, и мы своей лабораторией едва освоили его половину. А на остальной площади надо будет устроить что-то подобное комнатам отдыха из будущего.

Я закрыл глаза, и перед внутренним взором всплыла картинка лаборатории Гордеева из будущего. Там всё было иначе: несколько индивидуальных комнат, и это, не считая оборудованных по последнему слову техники палат медблока, мягкие диваны, кухня-ниша с кофемашиной, санузел... Там не приходилось спать на пружинах, впивающихся в спину. Конечно, повторить уровень комфорта двадцать первого века в конце семидесятых не получится, но ведь можно же сделать намного лучше, чем есть сейчас.

Перегородки из оргстекла, чтобы разделить зоны. Хорошее освещение, без мерцания ламп дневного света, от которого к вечеру начинают болеть глаза. Душ, ванная – это банально, но после иных лабораторных опытов это крайняя необходимость. Вентиляция... Обязательно нужно улучшить вентиляцию. Запах канифоли, сырого подвала и старой проводки уже в печёнах сидит!

«Завтра начну с Яковлева, — решил я, устраиваясь поудобнее и стараясь не задеть рёбра. — Объясню, что комфорт сотрудников — это залог эффективности научных проектов такого уровня. Уставший учёный допускает ошибки. А в нашем деле ошибка стоит слишком дорого». Он поймёт. Он всё понимает.

Миша и Лёва ушли по домам. Эраст Ипполитович уже тихо посапывал на своей раскладушке, после моего возвращения наконец-то почувствовав себя в безопасности. Я принял немецкие витамины, запил отваром шиповника, который Миша оставил в термосе.

«Запускаю ночную фазу ускоренной регенерации, — предупредила меня Лана. — Введу повышенное содержание стимуляторов роста. Будет немного неприятно».

«Хорошо, — согласился я, осторожно поворачиваясь на бок в попытке уснуть. — Не терпится побыстрее встать на ноги».

Но уснуть я не успел - через полчаса началось. Жар под гипсом стал нестерпимым. Казалось, кость шлифуют турбинкой без анестезии. Поломанные и треснувшие рёбра тоже давали «прикурить». Находясь в таком состоянии уснуть совсем не вариант.

«Лана, — прохрипел я, — это, по-твоему, немного неприятно?»

«Блокировка боли 40%. Полная блокировка мешает заживлению. Терпите, Владимир. Это жизнь. Ваши остеобласты работают «в поте лица».

Я стиснул челюсти, скрипнув зубами.

«Лана, усыпи меня, — попросил я, чувствуя, как капли пота стекают по вискам. — Если это возможно. Я всё равно не усну от боли, а мне надо отдохнуть».

«Анализ состояния... Допустимо, — ответила она через пару секунд. — Я могу искусственно стимулировать выработку мелатонина и замедлить активность ретикулярной формации ствола мозга. Это вызовет состояние, близкое к естественному сну».

«Делай!»

«Внимание. Начинаю процедуру принудительной седации...»

«Как именно ты собираешься это сделать?— успел спросить я, прежде чем веки стали тяжелесть.

«Я синтезирую нейромедиаторы торможения в гипоталамусе, — объяснила она спокойно, словно читала лекцию. — Синхронизирую электрические ритмы коры головного мозга с дельта-волнами. По сути, я просто закрою ваши сенсорные входы и отключу сознание. Это безопасно. Я буду мониторить жизненные показатели всю ночь».

Внутри черепа будто щёлкнул невидимый переключатель. Жар отступил, сменившись приятной прохладой. Мысли стали вязкими, замедленными. Боль превратилась в далёкий гул, словно не имеющий отношения к моему телу.

«Уровень боли снижен до 10%. Режим сна активирован. Будильник установлен на 06:00. Спокойной ночи, Владимир!»

Я не успел ответить. Темнота накрыла меня мягким, бархатным одеялом. Никаких сновидений. Только ровная, густая темнота, похожая на ту, что бывает в камере сенсорной депривации. Но без страха и дезориентации. Просто отдых.

«Доброе утро, Владимир! — Голос Ланы прозвучал прямо внутри моего сна, мягко выталкивая меня на поверхность. — Московское время - 06:00».

Я открыл глаза. В лаборатории ещё горел тусклый дежурный свет. Я попытался пошевелиться. Тело откликнулось тяжестью, но нестерпимой боли уже не было. Ребра тоже не впились в меня острыми иглами, а тупо ныли, напоминая о тяжёлой травме. Гипс на руке стал казаться немного легче.

«И тебе доброе утро, красавица! - Настроение у меня было отличное, можно сказать – боевое. Я хорошо отдохнул и выспался, и был готов горы свернуть. – Как у нас дела?»— поинтересовался я, усаживаясь на диване.

«Ночная фаза регенерации завершена,— отчиталась Лана. — Эффективность восстановления костной ткани: 4,25%. Уровень боли снижен до 3 из 10. Организм отдохнул, метаболизм стабилизирован».

«4,25? Ух, ты! Так это же отлично!— Я осторожно потянулся, старательно оберегая травмированные рёбра. — А что по остальному?»

«Провожу полную диагностику. Черепно-мозговая травма: отек тканей мозга снижен на 18%. Гематома в левой височной области рассасывается, давление на центры речи и памяти устранено. Нейронные связи, поврежденные при ударе и перегрузке интерфейса, восстановлены на 92%. Память: кратковременные потери устранены. Доступ к архивам памяти пользователя: 85%. Доступ к памяти реципиента (Гордеев): 16%. Конфликтов между личностями не выявлено. Ядро интерфейса: целостность 48%. Энергетический баланс в норме. Проведена частичная дефрагментация воспоминаний о ДТП».

«Звучит как музыка,— пробормотал я, спуская ноги на пол. — А то я уже начал беспокоиться, не отбило ли мне напрочь память этим грёбаным грузовиком».

«Работа над восстановлением памяти продолжается. Прогноз полного восстановления весьма положительный».

«Молодец! Спасибо тебе!»- похвалил я нейросеть, которую уже воспринимал не иначе как верного друга и соратника. А что? Ведь мы с ней столько всего вместе пережили.

Я огляделся: раскладушка Эраста Ипполитовича уже была пуста, а из основного зала лаборатории доносился тихий стук клавиш пишущей машинки и знакомое гудение аппаратуры. Старик уже встал и вовсю работал. Надо догонять подчинённого. Да у меня и самого руки чесались – проект «Лазарь» обещал быть не менее фантастическим, чем оживление отрезанной головы маньяка.

В воздухе витал запах крепкого кофе и вчерашнего пирога. Я нашел их на столе возле дивана. Рядом, на спинке стула, был аккуратно сложен мой лабораторный халат. Всё это явно дело рук Эраста Ипполитовича – больше некому. Такая забота меня реально умилила.

Нет, не зря я вытащил этого гениального профессора с психиатрической кичи. С ним мы еще столько открытий совершим — ахнет всё научное сообщество! Как наше, так и заграничное. И мы все вместе дадим дряхлеющему Союзу, постепенно погружающемуся в болото застоя, такого мощного пинка. Что догоним и перегоним не только гребаную Америку...

Я глотнул кофе, еще не успевший остыть. Горячая жидкость обожгла горло, даруя ощущение реальности и буквально возрождая к жизни. Лана благоразумно промолчала, ничего не сказав про вредность этого чудесного напитка. И откуда только у нас взялся такой изумительный кофе?

За стеной гудела и просыпалась от ночной спячки Москва — начинался новый рабочий день. Но для меня этот день был особенным: впереди маячила работа над интереснейшим проектом и важный разговор с Яковлевым о будущей встрече с Брежневым. А также я хотел поговорить с генералом о модернизации бытовки и обсудить вопрос о поиске утерянной магнитной ленты...

Стоп! Я неожиданно вспомнил о заявлении Ланы о частичной дефрагментации моих воспоминаний о случившемся ДТП. А вдруг в восстановленной памяти найдется что-то относящееся к пропаже бобины?

«Лана, умница моя, — окликнул я нейросеть, — а можешь мне показать, что тебе удалось восстановить из наших воспоминаний о ДТП?»

«Доступно, — ответила Лана почти сразу. — Формирую визуальный ряд на основе сохранившихся нейронных следов в гиппокампе и коре больших полушарий⁸. Предупреждаю: «файл» был основательно повреждён. Возможны выпадения кадров, зрительные и звуковые помехи. Запускать воспроизведение?»

«Давай... — мысленно «перекрестился» я, надеясь на чудо. — Показывай всё, что есть».

«Принято. Синхронизация... Начали».

Мир перед моими глазами вдруг моргнул. Стены, запах кофе, гудение приборов — всё это растворилось, ушло куда-то вдаль, уступив место дрожащей «картинке». Я словно бы опять попал в тот злополучный день. Вот я выхожу из подъезда НИИ. Солнце бьёт в глаза.

Я мчусь по тротуару к ближайшей остановке. В руке — портфель и та самая катушка с магнитной лентой, завёрнутая в плотную бумагу. Картинка дёрнулась. На секунду экран интерфейса заполнила серая рябь, похожая на помехи старого телевизора. Звук тоже пропал.

Но вскоре изображение стабилизировалось. Я лавирую в потоке людей. Вот меня окликают. Знакомый женский голос, резкий и требовательный: «Гордеев! Ты совсем охренел, что ли?..» Я оборачиваюсь — это бывшая жена Гордеева. Она что-то кричит про развод, про общего ребёнка, но остальные слова тонут в шуме ветра.

Я рыскаю глазами по сторонам, а под ноги не смотрю. Зацепившись носком ботинка за бордюр, я спотыкаюсь. Затем картинка резко накренилась. Горизонт ушёл влево. Асфальт стремительно приблизился, заполнив практически всё поле зрения. Резкий, визгливый и короткий скрежет тормозов — звук был таким реальным, что я невольно вздрогнул в кресле бытовки. Удар. Темнота.

«Внимание! Критическая потеря данных, — это голос Ланы из прошлого прорвался сквозь хаос пятен и шума. — Восстановленные фрагменты предкоматозного состояния», — сообщила нейросеть.

Изображение вспыхнуло снова. Я лежу на дороге. Небо серое, облака бегут слишком быстро. Взгляд расфокусирован. Но Лана что-то быстро «подкрутила», и картинка приобрела

⁸ Визуальная (зрительная) память человека хранится не в одной точке, а распределена по разным отделам головного мозга: кратковременные образы обрабатываются в гиппокампе, а долговременные — в коре больших полушарий. Основную роль играет затылочная доля (обработка зрительной информации) и височные доли (распознавание образов).

некую чёткость. Я вижу огромные колёса грузовика, застывшие в каких-то сантиметрах от моего лица. Вижу свои руки, раскинутые в стороны. Подрагивающие пальцы...

Катушка с лентой выкатилась из ослабшей ладони. Она покатила по асфальту, подпрыгивая на неровностях. Плотная бумага развернулась, обнажив чёрную ленту⁹, которая волочилась следом, разматываясь из катушки. Катушка докатилась до бордюра и застряла под колесом припаркованной у обочины «Волги».

«Фрагмент обрывается, — предупредила Лана. — Даю последние три секунды перед полным отключением сознания».

Картинка снова заморгала, пошла «снежком», но тут в поле зрения вошли чьи-то ноги. Туфли на высокой платформе. Джинсы-клёш, потёртые на коленях. Обтягивающая поджарое тело синтетическая водолазка и наброшенная сверху джинсовая куртка. Человек, идущий по тротуару, остановился и присел на корточки рядом с катушкой.

Я попытался сфокусировать на нём взгляд, чтобы разглядеть получше, но это была всего лишь запись моих воспоминаний.

«Лана, можно улучшить картинку? Мне нужно его увидеть!»

«Максимальная обработка... Очистка от помех... Стабилизация изображения...»

Я увидел, как рука с длинными пальцами потянулась к катушке. Быстро, уверенно. Человек воровато оглянулся по сторонам, но внимание случайных прохожих было сконцентрировано на участниках аварии: мне и грузовике. И на мгновение его лицо оказалось в поле моего зрения.

Молодой парень. Лет двадцать пять. Волосы до плеч, тёмные, слегка выющиеся. Узкое лицо, прямой нос, тёмные глаза под густыми бровями. На щеке — маленький шрам у уголка рта. Однако, мне показалось, что он не выглядел как случайный прохожий. В его движениях была какая-то лихорадочная сосредоточенность. Он сгрёб катушку, сунул её за пазуху куртки и резко поднялся.

Последнее, что я увидел перед тем, как запись окончательно рассыпалась в «цифровой шум» — это его взгляд. Он посмотрел прямо на меня, лежащего на асфальте. Не с испугом, не с жалостью. А с холодным, оценивающим интересом. Будто забирал не случайную находку, а самый настоящий трофей.

Хотя, возможно, что это всё мои подсознательные страхи. Ну, скажите на милость, кто в этом времени может знать, насколько специфической является информация на плёнке? А ведь её ещё нужно догадаться использовать магнитную ленту не для магнитофона, а как носитель для хранения данных нынешних примитивных компьютеров, которыми попробуй еще воспользуйся.

Это вам не в будущем вставить флешку в разъём, где компьютер, а то и не один, есть в каждом доме. В 1979-м году компьютеры громоздкие — занимающие целые комнаты и этажи служебных помещений. Да и располагались они только в специализированных вычислительных центрах, а не в личном пользовании граждан.

«Воспроизведение завершено, — голос Ланы вернулся. — Это всё, что удалось восстановить из повреждённого сектора памяти».

Интерфейс погас. Я снова увидел бытовку, стол, недопитый кофе. Мои руки подрагивали от возбуждения — я заново пережил ту аварию. Но самое главное — я смог увидеть лицо человека, подобравшего катушку с магнитной лентой.

«Лана, — мысленно произнёс я. — Ты сохранила этот кадр? Лицо?»

«Изображение сохранено в буфере. Качество низкое, но идентификация вполне возможна. Обработать для дальнейшего использования?»

⁹ В 1979 году магнитная лента в катушках (бобиных) была преимущественно следующих цветов:

«Всенепрерывнейше! — Я глубоко выдохнул, чувствуя, как внутри закипает азарт — попался, наконец-то, голубчик! — Сделай несколько вариантов его физиономии — фас и профиль».

«Принято».

Я откинулся на спинку дивана, закрыв глаза. Перед глазами всё ещё стояло лицо того парня. Длинные волосы, маленький шрам на щеке, холодный взгляд. Для чего же он забрал ленту? Польстился на импортную вещь? Как-никак, а лента была не отечественной, а импортной - BASF. И этот известный всему миру логотип, был четко виден на катушке. Хорошо, если это так, а не иначе... Хотя, как оно могло быть иначе, я себе пока не представлял.

«Изображения готовы». — Прямо в поле зрения, поверх картины полумрака бытовки, зависли два полупрозрачных окна.

В одном был чётко прорисован фас, в другом — профиль. Нейросеть провела колоссальную работу, убрав зернистость и восстановив все детали. Шрам, разрез глаз, форма скул, причёска — всё было отлично видно.

«Качество приемлемое для идентификации объекта поиска». — добавила она.

Но вот тут-то меня и поджидала первая проблема.

«Лана, а как мы это покажем Яковлеву?» — мысленно спросил я. — *«На экране моего интерфейса, увы, не получится».*

«Вывод на внешние носители данных ограничен». — ответила сеть. — *«В текущей временной точке отсутствуют необходимые устройства».*

Я поморщился, вспомнив, что на дворе 1979-ый год. ЭВМ серии ЕС, которые стоят в нашем вычислительном центре, способны выдавать лишь перфоленту, графики на плоттере или текст на матричном принтере. О какой-либо печати фотографий или полноцветных картинок не может быть и речи.

Технологии этого времени просто не позволяли вывести «настоящее» изображение напрямую с компьютера. Максимум — схематичный чертёж из символов, который ни один оперативник не поймёт. Значит, нужны старые, проверенные методы. Вариантов, по сути, было два.

Первый — воспользоваться услугами профессионалов, составляющих фоторобот по словесному описанию и подбором изображений разных частей лица. Вспомнил, как уже сталкивался в этом мире с подобной задачей, когда мы вычисляли агента вражеской разведки. «Иван Поликарпыч», — всплыло в памяти имя специалиста.

Сухощавый мужчина в громоздких очках, который приезжал с чемоданчиком, полным прозрачных плёнок с элементами лиц. Он собирал портрет как конструктор, накладывая диапозитивы друг на друга. Это было медленно, кропотливо, но зато результат получался узнаваемым и, главное, физическим — его можно было размножить или передать художнику для рисования.

Второй вариант — попытаться нарисовать портрет самому. Но давайте будем честны: я ни разу не художник. Мои навыки рисования ограничены примитивными вариантами типа «палка-палка-огуречик, вот и вышел человечек». В общем, это тоже заведомо неработающий вариант.

Я допил остывший кофе, когда план на сегодня окончательно оформился. Сначала я зайду к Яковлеву. Обсудим поиски магнитной ленты, новую «бытовку» и встречу с Брежневым. А заодно я попрошу вызвать Ивана Поликарпыча. Скажу, что память после аварии восстановилась фрагментарно, но детали лица, умыкнувшего «мою прелесть», я вспомнил чётко. Одним словом — вперёд и с песней!

Глава 6

План, окончательно сформировавшийся в голове, требовал немедленных действий. Я оставил в сторону пустой стакан, перетащил своё тело в коляску и покатился к выходу из бытовки. Аромат того «изумительного кофе», который так озадачил меня утром, всё ещё витал в воздухе.

Эраст Ипполитович, видимо, действительно знал толк в приготовлении напитка, или же кофе в лаборатории был отменного качества – не знаю. Но сейчас не время гадать. Впереди был серьёзный разговор с Яковлевым, и от его исхода зависело многое.

Я выехал из бытовки и остановился у входа. Боль в рёбрах стала фоновой и пока терпимой. Цифры интерфейса в правом нижнем углу зрения мерно отсчитывали время: «07:15, 17.09.1979». Пока Лева и Миша отсутствовали, Эраст Ипполитович, не терял времени даром – возился у стойки с аппаратурой, что-то бормоча себе под нос. Сегодня старый профессор казался мне помолодевшим, сбросившим с плеч целый десяток лет.

Дверь лаборатории скрипнула, нарушая монотонный гул трансформаторов. Сначала в проёме появилась взъерошенная каштановая шевелюра, затем худощавая фигура в мятом пиджаке. Лева Дынников. Он вошёл быстро, почти вбежал, сжимая в руках объёмный портфель и бумажный свёрток. По лаборатории поплыл непередаваемый запах свежей выпечки.

— Здравствуйте, товарищи! — выдохнул он, проходя внутрь и ставя пакет на ближайший стол. — Эраст Ипполитович!

— И вам не хворать, Лев Семёнович! - Старик оторвался от приборов и чопорно поклонился, приветствуя Дынникова.

— Родион Константинович! Вы уже встали? Как ваше самочувствие? – затараторил младший научный сотрудник.

— Доброе утро, Лёва, — ответил я. — Самочувствие вполне рабочее. Жив, здоров и не в больнице!

Лёва подошёл ближе, внимательно меня разглядывая. Его глаза скользнули по загипсованной руке, задержался на лице, оценивая цвет кожи и реакцию зрачков.

— Выглядите... намного лучше, чем вчера, — заключил он, но в голосе всё ещё слышалась нотка сомнения. — Но всё равно, вам себя поберечь нужно - ребра ещё не срослись.

Дверь снова распахнулась - на этот раз в лабораторию ворвался Миша Трофимов. Его рыжие волосы торчали в разные стороны, но лицо сияло энтузиазмом.

— Всем категорический привет! — бодро провозгласил Миша. — Шеф, вы как? Смогли хоть вздремнуть на нашем боевом диване? – Он ехидно усмехнулся, поскольку хорошо знал все особенности этого древнего мастодонта.

— Ну, как тебе сказать? Хотелось бы лучше. – Я тоже улыбнулся – отдых на нашем продавленном диване в лаборатории был настоящей «притчей во языцех».

Миша и Лёва переглянулись, а затем в голос заржали. В их взглядах читалось просто абсолютное знание этого вопроса, прочувствованного сполна на собственной шкуре и боках.

— Чай пить будете? — продолжая улыбаться, поинтересовался Миша, сунув нос в бумажный пакет, который притащил Дынников. — Лёвка свежих кренделей из булочной притащил! Я тебя обожаю, дружище! – воскликнул он, выхватывая из свертка еще тёплую булку, посыпанную сахаром. – Я как раз позавтракать не успел... - И он откусил огромный кусок пышной сдобы. – Чайник я сейчас поставлю! – И Миша скрылся в бытовке.

— Эраст Ипполитович! – позвал я профессора. – Как насчёт выпечки? Нет возражений? - Хотя я с утра уже и выпил стакан кофе, но решил не ограничиваться этим и развернул коляску в сторону комнаты отдыха.

— Какие могут быть возражения, когда вокруг витает такой аромат? – с энтузиазмом ответил Разуваев, отложив свои дела. – Знали бы вы, как я мечтал о таких вот кренделях там... Так что я готов, как пионер!

Мы сидели в тесной бытовке, пили крепкий свежесваренный чай, заедая его похрустывающим кренделями. Разговор шел плавно и непринужденно. Моя команда была рада, что я наконец-то вернулся в строй. Но это и вчера еще было понятно.

— Друзья, ночью мне удалось восстановить часть воспоминаний об аварии, – сообщил я своим друзьям и коллегам.

Лёва подавился крошкой и закашлялся, а Миша замер с открытым ртом. От своих парней я не стал ничего скрывать. Они ведь поддерживали меня даже в самый трудный момент, когда я практически никакой появился в этом времени, и не выдали руководство. Так что и насчет плёнки я не стал сильно лукавить, рассказав, что сведения, которые она содержит, являются весьма важными.

— Что вспомнил, Родион Константинович? — сипло спросил Лёва, откашлявшись.

— Вспомнил самое главное — лицо человека, который подобрал бобину с магнитной лентой.

В бытовке повисла тишина.

— Лицо? — переспросил Миша. — Ты уверен?

— Уверен, — твёрдо сказал я. — Поэтому сейчас я иду к Яковлеву – надо срочно составить его фоторобот. Глядишь, так и поймем гада.

— Обязательно поймем! — Лёва даже с места вскочил от волнения.

— Поможете до начальства добраться? – Я взглянул по очереди на своих помощников. – А то я эту чёртову лестницу точно не осилю.

— Конечно, Родион Константинович! – Синхронно кивнули мои сотрудники.

— Вот и отлично. — Я допил чай и поставил стакан на стол. — И надо будет озаботиться каким-нибудь лифтом в наш подвал, что ли...

— Ну, вот это навряд ли, – покачал головой Миша. – Это ведь столько мороки, да и средств на это никто не выделит...

— А вот это мы еще посмотрим! – Рубанул я воздух здоровой рукой. – Я вообще собираюсь договориться с Яковлевым на серьёзную реконструкцию. А то сидим тут, как бедные родственники. А учитывая наш потенциал... Ладно, не будем загадывать. Поехали – время не ждёт!

Выход из лаборатории и подъём по лестнице оказался тем еще испытанием. Поднять меня с коляской оказалось намного сложнее, чем спустить. Мы двигались медленно. Даже очень медленно – пацаны-то у меня не Гераклы, а конкретные такие «ботаны». Как говорится, физкультура в школе не входила в список их любимых предметов.

Каждую ступеньку я отчётливо прочувствовал своим многострадальным телом. В итоге подключилась Лана и заблокировала болевые сигналы. В итоге я смог подняться на свои подрагивающие ноги и, придерживаемый с двух сторон Мишей и Лёвой, доковылять до первого этажа, а там уже с облегчением упасть в инвалидное кресло.

— Парни, спасибо! — сказал я. — Лёва, докатишь до кабинета?

— Конечно...

— Миша, а ты возвращайся к Эрасту Ипполитовичу. Прочитай, что он там по «Лазарю» написал...

Я видел, что Миша сначала хотел возразить, но посмотрел на меня и кивнул:

— Как скажешь, шеф. Удачи!

Лёва повёз меня на кресле по коридору. У двери кабинета генерал-майора Яковлева он остановился.

— Мне подождать? — спросил он.

— Не надо – неизвестно сколько я тут проторчу. Если что — позвоню в лабораторию. Миша отпустил ручки коляски и ушёл, а я постучал.

— Войдите! – донеслось из-за директорской двери.

Я открыл дверь, крутанул здоровой рукой колесо коляски и медленно вкатился внутрь. Сам генерал стоял у распахнутого настежь окна, спиной ко мне, и курил. Дым медленно поднимался к потолку, растворяясь в лучах утреннего солнца.

— Товарищ генерал-майор! — четко произнёс я. — Майор Гордеев...

Яковлев обернулся. Увидев меня в коляске, в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, которое он тут же постарался задавить. Но –я то уже видел этот взгляд и всё понял без слов.

— Подъезжай к столу, Родион. — произнес Эдуард Николаевич. — Как здоровье? Ты, как я понял, домой так и не поехал?

— Да куда мне в общагу, - отмахнулся я. — Я-то до вас вот едва дополз. Благо, парни помогли. Спал мало – как-то не приспособлен к этому наш подвал...

— Понимаю, Родион, условий для проживания у вас там никаких, - согласно закивал генерал, пуская дым в потолок.

— Так вот я об этом как раз и хотел с вами переговорить, товарищ генерал-майор... - Раз уж разговор у нас с ним сам выкрутил туда, куда мне было нужно, я решил немного «покачать права» и выклянчить хотя бы подобие божеских «условий». — Я-то поправлюсь, а вот сколько там Эрасту Ипполитовичу придется там жить – одному Всевышнему известно!

— Согласен, — Яковлев затушил сигарету в переполненной пепельнице и наконец отошёл от окна. — Разуваев человек пожилой, но... отпустить его «на вольные хлеба» мы пока не в состоянии. Пусть докажет для начала, что он... нормален... Всё-таки двадцать лет в психушке даром не проходят. Ну, и делом, что он нам полезен... Вот тогда...

— Он, конечно, безмерно счастлив, что мы его с Канатчиковой дачи вытащили, - со вздохом произнёс я, - но жить-то ему как-то надо, товарищ генерал-майор? А ему даже пристроиться на ночь негде... Да и я еще... А он человек пожилой. Ну, по-человечески же надо с людьми...

— Ох, Родя-Родя! – покачал головой Яковлев. - Но ты же понимаешь, что бюджет института не резиновый. Я и так на многое пошел, чтобы вашу лабораторию отстоять!

— А мы уже доказали делом, что не зря вы за нас там, - я ткнул пальцем в потолок, - бились. Я же не прошу золотых унитазов, товарищ генерал-майор... — привычно парировал я лексикой из своего родного времени, не подумав наперёд, что здесь такое сравнение еще не в ходу. Время туалетов из золота еще не настало – девяностые приближались, но я надеялся, что своими усилиями вновь этого не допущу.

— Как ты сказал? Не просишь золотых унитазов? – хохотнул Яковлев. — И откуда ты только это всё берешь? Кто это сказал?

— Э-э-э... - на мгновение затупил я, осознав, как прокололся.

«Владимир Ильич Ленин», - неожиданно произнесла Лана, незримо присутствующая при нашем разговоре.

«Что Ленин?» - не понял я.

«Ленин говорил об использовании золота для общественных уборных после победы коммунизма, - пояснила Лана. - Эту мысль он высказал в работе «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в 1921-м году, подчеркивая, что при социализме золото станет лишь средством обеспечения. Цитата: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира». 44-й том 5-го (полного) собрания сочинений В. И. Ленина, в котором опубликована эта статья, издание 1970-го года».

— Это сказал товарищ Ленин, - послушно повторил я за Ланой.

— Кто? – Глаза Яковлева полезли на лоб.

— Владимир Ильич, - не моргнув глазом, повторил я, - 44-й том 5-го собрания сочинений. – Правда, он немного по-другому сказал: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира».

— Серьёзно?

— Серьёзней некуда, Эдуард Николаевич.

— Ты прямо ходячая энциклопедия, Гордеев! – пораженно воскликнул генерал-майор.

— Так с ремонтом, Эдуард Николаевич? - я вновь свернул на болезную тему. — Речь даже не о комфорте, а о базовой безопасности и функциональности лаборатории. Вентиляция там практически не работает. Люди зачастую работают с химическими реактивами. Это прямая угроза их здоровью!

Яковлев нахмурился. Аргумент про безопасность подействовал на него безотказно.

— Вентиляцию можно починить, — буркнул он, усаживаясь в своё кресло. — А что ещё?

— Да всё, начиная от мебели и заканчивая отсутствием элементарных медицинских палат...

Яковлев поднял взгляд, и в его глазах сквозило нескрываемое удивление.

— Медицинских палат? — переспросил он. — Ты же не больницу собираешься открывать, Родион?

— Эдуард Николаевич, проект «Лазарь» предполагает серьёзные эксперименты, — осторожно начал я, подбирая слова. — Реанимация тканей, восстановление нейрохимической активности. Мы же, как-никак, отдел экспериментальной физиологии! Нам нужны хотя бы две-три палаты, оборудованные соответствующим образом. Кислород, мониторинг, реанимационный набор...

— Реанимационный? Для кого? — Яковлев недобро сузил глаза.

— Экспериментальная физиология всегда несёт риски, — развёл я руками, стараясь выглядеть максимально уверенно. Кроме того... - Я сделал паузу - это был самый сильный аргумент, который я приберёг напоследок. — Кроме того, Эдуард Николаевич, не стоит забывать о потенциальном интересе сверху. – И я ткнул пальцем здоровой руки в потолок.

Яковлев опять напрягся:

— В смысле?

— А что, если проект докажет свою эффективность? Да что там «если» - я уверен в нём на девяносто девять и девять процентов! И тогда нам придётся обследовать в нашей лаборатории кого-то из руководства... А то и Самого! – добавил я свистящим шёпотом. – Представляете, что будет, если мы привезём сюда товарища Брежнева? А у нас...

— ...у нас сарай, — закончил за меня Яковлев, и в его голосе впервые прозвучало сомнение. — Родион, скажи мне, как на духу - ты серьёзно считаешь, что Генеральный секретарь ЦК...

— Если мы обеспечим условия – да! — рубанул я. — А сейчас это невозможно. Да у нас даже нет нормального освещения, не то что стерильной операционной.

- А как же...

- Хирургический блок у нас имеется, - понял я, о чем хотел спросить Эдуард Николаевич. – Но в нём, простите за выражение, только мертвяков потрошить, как того маньяка! И если завтра поступит команда подготовить базу для приёма высокого гостя, мы окажемся не готовы. И это будет полная жо... Ну, в общем, вы поняли, товарищ генерал-майор.

Яковлев молчал минуту, постукивая ручкой по столу.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Доводы приняты. Безопасность сотрудников и... потенциальная готовность к визиту. Это серьёзно.

Он открыл ящик стола, достал бланк заявки и быстро что-то в нём набросал. Потом резко расписался и протянул мне заполненный лист бумаги.

— Я лично отдам распоряжение... Вентиляцию проверят на днях. Новую мебель... что найдём на складах, то пока и выдадим. Насчёт медицинских палат и остального... - Он поднял на меня взгляд.

— И еще бы лифт нам...

Генерал закашлялся:

— Ну, ты так-то не борзей, товарищ майор! Это ж надо будет шахту в институте прорубать. Не будем же мы лифт только для подвала ставить. Короче, всё остальное требует отдельной сметы и согласования с финотделом. Я не могу просто так выбить необходимое оборудование – я тебе не джин из лампы Аладдина.

— А после встречи с Леонидом Ильичём? — вкрадчиво поинтересовался я. — Если я сумею убедить его в потенциале нашего проекта...

— Ты сначала убеди, а потом уже... — отрезал Яковлев, но в его голосе уже не было прежней жёсткости.

— Понял, товарищ генерал-майор.

— И ещё, Родион... — Яковлев помолчал, глядя на меня поверх стопки бумаг. — Ты сам-то как? Держишься? — Он достал из пачки сигарету и вновь закурил.

— Нормально всё, Эдуард Николаевич, - заверил я Яковлева. — Память потихоньку возвращается – я даже вспомнил кое-что...

Яковлев замер с сигаретой в руке.

— Слушаю.

— Я видел, кто забрал ленту. И вспомнил его...

— Описать сможешь?

— Молодой человек. Лет двадцати пяти. Волосы длинные, до плеч, тёмные. Лицо узкое, взгляд холодный. На правой щеке, у уголка рта, маленький шрам.

— Хорошо, надо срочно составить фоторобот!

— Так я поэтому и пришёл.

Яковлев кивнул, потянулся к телефону и набрал короткий номер.

— Иван Поликарпыч? Это Яковлев. Поднимайся ко мне. Да, с инструментом. Срочно. Работаешь? Через сколько сможешь? Хорошо, через час.

Он положил трубку и снова посмотрел на меня.

— Слышал?

— Через час.

— Сейчас свободен. Но через час – у меня. И скажи мне, Родя, ты точно будешь готов к встрече с Леонидом Ильичём? Он явно заинтересовался. Это шанс, Родион. Но и риск. Если пообещаешь чудо, а не сделаешь... — Он провёл рукой по горлу. — Ты меня понял.

— Понял, Эдуард Николаевич.

— Тогда иди. Через час встретимся... И захвати с собой материалы по «Лазарю», те, которые уже готовы.

— Хорошо, Эдуард Николаевич, - произнёс я и выкатился из кабинета начальника.

Только докатившись до лестницы в подвал, я понял, что не позвонил своим помощникам. Я скептически посмотрел на ступеньки. Попробовать спуститься самому? Или ну его?

«Ну его, Владимир, - откликнулась на мои мысли нейросеть. — Вы не в том состоянии, чтобы спускаться самостоятельно».

«Хорошо, - согласился я, - сейчас с вахты позвоню...»

Но я не успел даже развернуться, когда почувствовал резкий толчок в спину. Кто-то невидимый и бесшумный подкрался сзади и с силой пнул инвалидное кресло. Металлическая кон-

струкция германских производителей сорвалась с места и понеслась вниз по ступенькам, грохоча металлом. А затем мир перевернулся, и я вылетел из коляски. Грохот, лязг, темнота.

Глава 7

Темнота была тяжелой, давящей на грудь, словно многотонная могильная плита. Но всё же она принесла избавление от накрывшей меня боли. Я вспомнил ощущение падения, а затем удар - жесткий, резкий, ломающий едва начавшие срастаться кости о бетонные ступени лестницы.

Я осторожно вдохнул воздух - грудная клетка отозвалась вспышкой огня. Черт, опять мои многострадальные рёбра! Ну, чего же мне так не везет-то в последнее время? Хотя, о каком невезении может идти речь, когда это явная диверсия. Интересно, насколько всё плохо на этот раз?

«Владимир,- мгновенно отозвалась Лана, - уровень критических повреждений: средней тяжести. Вам крупно повезло – вероятность иного исхода была крайне велика».

«Где я?»— мысленно спросил я, пытаюсь пошевелиться. К моему несказанному облегчению тело меня слушалось.

«Лабораторный медблок. Текущее время: 14:30, 17.09.1979. Вы находились без сознания четыре часа двадцать минут».

«Четыре часа? Вот нихрена же себе! Здорово я приложился».

«Могло быть намного хуже», - вновь повторила нейросеть, а я не знал, радоваться мне этому или нет.

«Состояние организма?»— потребовал я немедленный отчет, преодолевая накатывающую тошноту. Похоже, что очередной сотряс меня не миновал.

«Провожу диагностику... Переломы ребер: смещение фрагментов в трех местах. Черепно-мозговая травма: легкое сотрясение. Ушибы мягких тканей спины и конечностей. Рекомендую полную иммобилизацию¹⁰».

«Что с памятью?»— Это было самое важное. Если после удара я потеряю то, что с таким трудом восстановил – это будет потеря-потерь, как говорил один придурковатый персонаж бесконечных сериалов из моего родного времени.

«Доступ к архивам памяти пользователя: 85%. Доступ к памяти реципиента (Гордеев): 16%. Ядро интерфейса: целостность 48%. Потеря данных не зафиксировано».

Я облегченно выдохнул.

«Спасибо, Лана!» - произнёс я, открывая глаза.

Над головой обнаружился побеленный потолок нашего подвального медблока. Стены, наполовину выкрашенные масляной краской цвета «слоновая кость», которая от сырости местами облупилась. Рядом с кроватью на стуле я обнаружил Лёву. Он выглядел каким-то донельзя потеряннным и разбитым.

— Ну, вот, - негромко произнёс я, - а у нас ничего не меняется – я очнулся, а ты рядом. Увидев, что я пришел в себя, Лёва дернулся, словно его ударило током.

— Фух! Очнулся! Родь... — голос у него был каким-то хриплым, как будто сорванным. — Ты... ты как?

— Как видишь, — прошептал я, - жив-здоров. — Что со мной случилось?

Лёва опустил голову, его плечи поникли.

¹⁰ Иммобилизация — это создание неподвижности (покоя) поврежденной части тела (конечности, позвоночника) при травмах, воспалениях или операциях. Основная цель — предотвратить дальнейшее повреждение тканей (сосудов, нервов), уменьшить боль и обеспечить правильное сращение костей. Она бывает временной (транспортной) и постоянной (лечебной).

— Мы... мы слышали грохот из лаборатории. Выскочили... Ты лежал на ступенях... Без сознания... — Он не договорил, махнул рукой. — Коляска внизу, вся погнутая. Зачем... ну, зачем ты решил спускаться один?

— С чего ты это взял, Лёва? - Я криво усмехнулся.

— Ну... а как же? – Оторопел Дынников. - Ты - на лестнице... Коляска вдребезги...

— А ты не подумал о том, что кто-то мог специально отправить меня в полёт? - Я попытался приподняться на локтях, но резкий прострел в груди заставил меня рухнуть обратно на подушку.

Лёва тут же подскочил, осторожно помогая мне улечься поудобнее.

— Не дёргался бы ты, Родион Константинович! Тебе сейчас покой нужен!

Я, наконец, принял более-менее сносное положение, не вызывающее острой боли, уже и без того притупленное Ланой, а Лева задал вопрос, который я от него и ожидал:

— А почему ты думаешь, что тебя... отправили полетать?

— Потому, что кончается на «у», — буркнул я, закрыв глаза. — Я задумался после разговора с Яковлевым и забыл вам позвонить. Уже доехал до лестницы, и только там понял, что вниз один не спущусь. Хотел уже развернуться и позвонить вам с вахты...

Я помолчал, вспоминая тот момент леденящего спокойствия перед катастрофой.

Лёва слушал, затаив дыхание. Его пальцы нервно теребили край халата.

— И? — только и смог выдохнуть он.

— И кто-то невидимый пнул коляску. С силой. Она сорвалась с места, а я... я не успел даже среагировать. Последнее, что помню – как мир перевернулся и я полетел вслед за ней... Дальше тебе известно больше моего.

Я открыл глаза и посмотрел на помощника. В его взгляде читался ужас.

— Ты хочешь сказать... — голос у Лёвы дрогнул. — Это было не случайность?!!

— Ты что, до сих пор не понял, что это была диверсия, Лёва? Кто-то нарочно спихнул меня с лестницы!

— Но как? — Дынников даже задохнулся от волнения. — Здесь же все свои! Мы же ведомственный институт КГБ СССР... Да сами... - Его голос сел, а глаза стали размером с пятикопеечные монеты.

— Похоже, что кто-то сильно не хочет, чтобы мы начали свои исследования... — Я не договорил, но Лёва всё понял. Если враг находится внутри института, нужно срочно перекрыть любой доступ в лабораторию - доверять сейчас нельзя никому.

— Понял, — тихо сказал Лёва. — Тогда выходит... что авария с грузовиком тоже не случайна?

— Выходит, что так... — Я криво усмехнулся – мне стало немного не по себе. — Но теперь мы это точно знаем.

Лёва кивнул, вытер вспотевший лоб и опустился на стул. Он выглядел так, будто это не я, а он сам только что рухнул с лестницы.

— Слушай, Лёва, - произнёс я, когда мысль не дающая мне покоя, наконец оформилась, - а почему я в нашем медблоке? И почему не вызвали скорую?

— Так это Эдуард Николаевич распорядился... когда мы ему сообщили, - ответил Дынников. — Миша к тому моменту уже все необходимые процедуры провел... Он у нас тоже, врач, как-никак. А перевозка в тот момент тебе была противопоказана.

— И это здорово! – обрадовался я. — Теперь до меня попробуй доберись! Здесь у нас настоящая крепость – не то, что в больничке... Лёва, никого постороннего в лабораторию не пускать ни под каким предлогом!

— Так и Яковлев тоже самое сказал... Вы словно сговорились с ним...

— Лёва, — попросил я, — позови сюда Яковлева...

— Сейчас, — Лёва поднялся и быстро вышел из медблока, плотно прикрыв за собой дверь.

Оставшись один, я закрыл глаза. Кто-то очень не хотел, чтобы я дожился до встречи с Брежневым. Или до того, как найду похитителя той проклятой ленты. Что ж, они четко дали мне понять правила игры. Чтобы устранить меня они не остановятся ни перед чем. Знать бы еще, кто эти «они»?

«Лана, — мысленно обратился я к нейросети. — Ты не смогла засечь того, кто меня толкнул?»

«Визуальный канал отключился при потере сознания, — ответила сеть. — Засечь злоумышленника до этого не удалось. Я проверила все имеющиеся файлы памяти».

В этот момент дверь медблока распахнулась - на пороге появился Эдуард Николаевич. Он был без привычного генеральского кителя, в рубашке с закатанными рукавами.

— Жив, — констатировал генерал, проходя внутрь. — Хороший знак. Значит, наши враги просчитались в очередной раз.

— Товарищ генерал-майор... — начал я, но Яковлев перебил меня жестом руки.

— Сначала ты меня послушай, Родион. — Он повернулся к Дынникову. — Лёва, у вас в лаборатории найдётся, чем перекусить? С утра маковой росинки во рту не было. Хотя бы чай или кофе? Только сладкий...

— Найдём, товарищ генерал-майор, - кивнул мой младший научный сотрудник, и умчался, плотно закрыв дверь.

Яковлев пододвинул стул к кровати и сел, слегка нависнув надо мной.

— Ну что, Родион Константинович. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, что произошло? — Он не дал мне ничего произнести и продолжил сам:

— На территории режимного объекта на сотрудника КГБ было совершено покушение. Или у тебя еще остались сомнения?

— Никак нет, товарищ генерал-майор. Теперь я и сам это понял.

— Покушение открытое, дерзкое. — Он наклонился ко мне ближе. — Это кто-то из «своих». Кто-то, у кого есть допуск на территорию института.

— В общем так, Родион, — Яковлев выпрямился. — С этой минуты никто не входит, никто не выходит из лаборатории без моего ведома. Ты понял?

— Понял.

— Ты уж извини, но и долечиваться тебе придётся тут же. Лекарствами я тебя обеспечу. Любыми, даже импортными. Составь список.

— Составлю - это, как раз, и не проблема, - отмахнулся я. — А что собираетесь предпринять, Эдуард Николаевич, чтобы прищучить этих гадов?

— Своими силами я действовать не могу. — Яковлев достал из пачки сигарету, но прикуривать не стал, лишь размял её в пальцах. — Если это кто-то из наших... сам понимаешь, что доверять я теперь никому не могу. — Он наконец щёлкнул зажигалкой, глубоко затянулся и выпустил дым в сторону. — Ты-то в своих парнях уверен?

— На сто процентов, - подтвердил я. — А Разуваев пока не в счет — слишком много времени он в Кашенко провел...

— Хорошо, - кивнул Яковлев. — В общем, я негласно попросил Рэма Сергеевича подключить своих орлов.

— Согласен. Пока не вычислим крота, своих лучше не задействовать.

— Именно, — кивнул генерал. — Его сотрудники уже работают. И знаешь, что они обнаружили менее чем за полчаса проверки моего кабинета?

Яковлев взглянул на меня в упор, и я увидел в его взгляде такую ярость, что мне даже стало немного не по себе.

— Что? — осторожно спросил я.

— Там сплошные «жучки», Родион! Ты представляешь?! — Он резко затушил сигарету, даже не докурив её до половины. — Кто-то слушал меня всё это время. В моём же собственном кабинете! - Яковлев вскочил со стула и начал нервно мерять шагами тесное помещение медблока. — Кому-то очень хотелось знать, какие разговоры там ведутся.

— Вот почему нападение произошло ровно после того, как я рассказал вам, что вспомнил лицо похитителя плёнки.

— Возможно, — согласился Яковлев, снова присаживаясь на стул. — Родион, будь начеку! Если уж пролезли в мой кабинет – в лаборатории тоже могут оказаться «жучки».

Генерал замолчал. Было видно, что наличие «жучков» его весьма разозлило. Для него это был вопрос чести.

— Насчет медблока можете не сомневаться, это последнее место куда поставили бы жучки. Он же у нас всегда пустует. А вот основательно прошерстить лабораторию надо...

— Я пришлю тебе ребят Красильниковых...

— Не надо, товарищ генерал-майор – мы и сами их вычистим.

— Хорошо, действуйте, - разрешил Яковлев. – Докладывать не надо – я сам к вам попозже зайду. И еще... – Он задумался. - Встречу с Леонидом Ильичём, наверное, надо перенести.

— Что?! — Я рванулся было сесть, но боль пригвоздила меня обратно к кровати. — Эдуард Николаевич, не надо переносить! Это наш единственный шанс выбить вменяемые ресурсы на реконструкцию лаборатории!

— Да ты едва не погиб во второй раз, Родион! — Яковлев ударил себя ладонью по колену. — Да и как ты появишься перед Генсеком в таком виде? С синяками, в гипсе и в инвалидном кресле? Это вызовет ненужные вопросы, а нам сейчас скандал не нужен.

— А если я поправлюсь за это время? — Я с вызовом посмотрел ему прямо в глаза.

— Сведу синяки, заращу переломы? В общем, буду огурцом?

— Ага, маринованным, - кисло поморщился Эдуард Николаевич. – Ты же понимаешь, Родя, что это невозможно!

— Нет, это вы не понимаете, товарищ генерал-майор, что такое проект «Лазарь»! – припечатал я своего начальника. – Если не выйдет – тогда и переиграем.

— Переиграем... - хмыкнул мой начальник. – Если бы это было так просто...

Яковлев замолчал, вытаскивая из пачки очередную сигарету и нервно её закуривая. В медблоке резко пахнуло крепким табаком и напряжением.

— Ты упрям, как бык, Родион! — наконец произнес он. — Ладно. Встреча не переноситься, но до неё осталось всего три дня! Мы обязательно облажаемся! Не забывайся, Родион, ты же не волшебник!

— Они хотят чуде - их есть у меня! – шутливо произнес я, заставив Эдуарда Николаевича улыбнуться.

— Тогда придумай чудо, которое не потребует твоей смерти, — улыбнулся Яковлев. Он встал. — У тебя есть почти трое суток. Двадцатого числа ровно в десять ноль-ноль мы выезжаем в Кремль. Но если будешь выглядеть как сегодня, ты уж меня извини – никакой встречи не будет! Ясно?

— Ясно, товарищ генерал-майор! – отрапортовал я. – Я справлюсь!

Яковлев направился к двери, но на пороге остановился.

— И это, Родион... Береги себя!

— Эдуард Николаевич, - в дверях Яковлев едва не столкнулся с Лёвой, нагруженным плюшками-ватрушками и исходящими паром стаканами, - куда вы? Вы же чаю еще не попили!

— Спасибо, Лёва, но некогда. Вон, начальника своего чаем напои.

Генерал вышел из медблока, а Лёва вошёл, осторожно балансируя подносом. Гранёные стаканы в подстаканниках исходили паром, а рядом на тарелке высилась горка свежей выпечки

«местного разлива». Похоже, что Лёва успел в столовку сгонять, пока мы с генералом обсуждали дела наши скорбные.

Следом за Дынниковым в медблок просочились и Миша с Эраст Ипполитовичем. Теперь вся моя команда была в сборе. Можно было устроить небольшую политинформацию, чтобы понимали «откуда ветер дует».

— Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста! — цитатой Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи» попытался пошутить Дынников.

Но шутка вышла весьма натянутой, едва только он остановился глазами на моем помятом лице. Лёва расставил стаканы на тумбочке рядом с моей кроватью и уселся рядом на стул. Миша тут же пододвинул поближе второй стул, а профессор скромно пристроился на краешке кровати.

— Что с вами случилось, Родион Константинович? — сразу перешёл к делу Разуваев, нервно теребя пуговицу халата. — Лёва сказал, что это было покушение?

— Да, покушение...

Я не стал ничего скрывать, и кратко пересказал разговор с Яковлевым. Про «жучки» в кабинете генерала, про крота в нашем институте и про то, что наша лаборатория теперь — осаждённая крепость. Лица у моих сотрудников становились всё мрачнее с каждым словом. Миша даже перестал жевать ватрушку, замерев с открытым ртом.

— Получается, — тихо произнёс Трофимов, когда я закончил. — Кто-то очень не хочет, чтобы мы попали в Кремль со своими разработками?

— Именно! Поэтому... мы меняем режим работы, — произнёс я. — С этой минуты и до встречи с Леонидом Ильичём мы переходим на казарменное положение.

Миша удивлённо моргнул:

— Родь, но у меня же... квартира, жена...

— Позвонишь и предупредишь, — жестко перебил я. — Скажешь, чрезвычайная ситуация, государственная важность.

Лёва одинокий — ему что здесь, что в общежитии, разницы нет. А Эраст Ипполитович и так здесь живёт.

— Никто из нас не покидает территорию лаборатории, а тем более института без моего личного разрешения. Спать будем здесь же, в лаборатории. Лёва, ты знаешь, где раздобыть еще пару раскладушек?

— Ну... — задумался Дынников. — Можно попробовать завхоза потрясти.

— Ага, — согласился с ним Миша, — у Макарыча чего только нет!

— Отлично! Питание организуем через столовую, но еду тоже надо будет как-то проверять.

— Думаешь, даже на такое могут пойти? — Миша зябко передёрнул плечами.

— Меня уже два раза пытались устранить! — напомнил я своим товарищам. — А один раз даже на территории института! Думаешь, они на этом остановятся? А без вашей помощи я, вообще, как без рук. Так что берегите себя, ребятки!

Я внимательно вглядывался в лица моих пацанов, и мне показалось, что до них наконец-то дошло, насколько серьёзная вокруг нас сложилась ситуация.

— И ещё один момент... — Я в очередной раз обвёл взглядом мою команду. — Проект «Лазарь» нужно ускорить. — Я сделал паузу, представляя реакцию собравшихся на мои дальнейшие слова. — На встречу с Брежневым я должен прийти полностью здоровым: на своих двоих, без гипса и синяков. До встречи меньше трёх суток.

Вот теперь в медблоке реально повисла мертвая тишина. Лёва очумело посмотрел на мою загипсованную руку и синюшное лицо.

— Сколько? Трое суток? — переспросил он осторожно. — Это невозможно! Ты же не волшебник! А проект «Лазарь» — не панацея от всех болячек!

А эти слова я уже слышал из уст Эдуарда Николаевича, так что Лёва не оригинален в своих сомнениях.

— Это не обсуждается, — оборвал я. — У нас есть трое суток. До двадцатого числа, десять ноль-ноль. Эраст Ипполитович, а вы как считаете, есть у нас шанс?

— Безусловно! — произнёс старый профессор, похоже, совершенно не сомневаясь в результатах. — Трое суток, это, конечно, мало... Но у вас, Родион, молодой и здоровый организм — так шансы есть!

«Лана, — мысленно обратился я к нейросети. — А ты как считаешь? Это реально?»

«Стандартный протокол регенерации требует четырнадцать дней, — голос Ланы звучал сосредоточенно. — Для сокращения срока до семидесяти двух часов необходимо увеличить концентрацию стимуляторов роста в пятьдесят раз. Побочные эффекты: сильный болевой синдром, повышение температуры тела, истощение...»

«Но ты сможешь?»- потребовал я ответа.

«Гарантий никаких, но попробовать можно. Но потребуется обеспечить организму носителя усиленное питание. Белок, кальций, витамины. В больших количествах».

«Будешь моим запасным вариантом, — мысленно ответил я и снова посмотрел на команду, - а пока накидай список, чем мне питаться, и сколько чего для этого потребуется».

— Итак, друзья, — произнёс я вслух. — Наша задача — обеспечить собственную безопасность и подготовить «Лазаря» для практического применения. Лёва, срочно проверь лабораторию на «жучки». Миша... - Договорить я не успел, потому что в этот момент в лаборатории что-то взорвалось.

Глава 8

Ударная волна долбанула в закрытую дверь медблока, и только затем мир наполнился грохотом взрыва. Я дернулся от неожиданности - боль в переломанных рёбрах вспыхнула с новой силой, заставив меня грубо выругаться. В глазах на мгновение потемнело.

Я моргнул, пытаюсь сфокусировать взгляд. В лабораторию проник едкий удушливый дым. Пахло палёным пластиком, горелой проводкой и какой-то едкой химией.

— Все живы?! — Мой голос прозвучал хрипло – удушливый дым драл горло.

— Я... кажется, да... — Донёсся откуда-то справа кашель Миши – вонь была весьма удушливая. Я же говорил, что вентиляцию надо менять.

— Эраст Ипполитович! — крикнул Лёва, его голос подрагивал от нервного напряжения.

Я попытался подняться, но тело предательски не послушалось. Лана тут же вмешалась, блокируя болевые импульсы по максимуму.

«Не двигайтесь, Владимир! Возможны дополнительные повреждения. Сканирование...»

В поле зрения интерфейса всплыло красное предупреждение:

«Уровень боли: 7 из 10. Рекомендована иммобилизация».

— Кто-нибудь видел профессора? — просипел я, оглядываясь по сторонам. Эраста Ипполитовича нигде видно не было. Никто не обратил внимания после взрыва, когда он выскользнул из медблока.

Из клубов дыма вышла сутулая фигура. Халат профессора был закопчён, седые волосы взъерошены, а в руках он сжимал какой-то обгоревший пластиковый контейнер. Лицо профессора было бледным, как полотно, а глаза безумно блеснули.

— Это я... — прошептал Разуваев, глядя на меня поверх дымящегося контейнера. — Это моя вина, Родион Константинович...

Лёва и Миша подбежали к нему, кашляя и размахивая руками, разгоняя вонючий дым.

— Что случилось? — спросил Трофимов, внимательно осматривая старика, с которым всё было в порядке – ни ран, ни ушибов, ни ожогов.

— Реактив... — Разуваев виновато опустил голову. — Я... я забыл нейтрализовать катализатор. Когда вы начали говорить о покушении, о жучках... я... я... я запаниковал. И просто забыл, что нужно внимательно контролировать процесс. И вот результат... Реактив взорвался...

Я посмотрел на старика. В его слезящихся глазах читался ужас - он боялся, что теперь его сочтут невменяемым и отправят обратно в Кашенко.

— Эраст Ипполитович, — сказал я твёрдо, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Это несчастный случай. Никто не пострадал. А оборудование можно починить.

— Но я мог убить всех! — Голос профессора сорвался. — Я же... я же снова всё испортил!

— Никто не умер, — отрезал я. — Лёва, Миша, проверьте вентиляцию. Нужно проветрить помещение. И убедитесь, что нет угрозы повторного возгорания.

Парни бросились выполнять приказ, тушить то, что еще чадило, и включать нашу старенькую вытяжку на полную мощность.

— Не переживайте, Эраст Ипполитович! — поспешил я приободрить старика, пока он не впал в полное уныние. — С кем не бывает? Но призываю вас – будьте внимательнее! Особенно сейчас.

— Спасибо... Родион Константинович... - Разуваев кивнул, едва не пустив слезу. — Такого больше не повторится, — прошептал он.

Нам повезло: взрыв реактивов профессора оказался не настолько мощным, чтобы разнести всё вдрезг, а стены подвала – толстыми. Наверху, в основном здании института, никто даже особо не перепугался. Время от времени подобные казусы у нас происходили. В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.